Автор рисунка:
Светлана Стихаł

Беседы у камина

№ 19

Содержание

От редакции 2
Наши друзья 40
Карта БУК`а 46
Благодарности 49
Контакты 49

Стихи

Лариса Васильянова 23
Валентин Смирнов 23
Харитон Львов 24
Анастасия Жиглова 24
Натали Зеленоглазая 36
Кирилл Сорокин 45
Дарья Иванова 47
Павел Селуков 48

Проза

Светлана Стихач 3
Анатолий Муравский 26
Антон Белик 37

Рисунки

Светлана Стихач Обложка, 15, 24, 25, 35, 39, 44

Здравствуйте, дорогие читатели!

Вашему вниманию предлагается очередной, 19 номер газеты «Беседы к камина». Началось лето, и вокруг раскинулось буйство красок., и мы решили не выбиваться из общей массы, поэтому в этот раз наших читателей будут радовать фиолетовые и сиреневые фоны, а также яркие рисунки Светланы Стихач.

Впрочем, тексты в номере в этот раз подобрались не менее яркие. Часть из них была отобрана нашей доблестной командой, остальные попали на страницы газеты в рамках рубрики «Выбор читателя». И те и другие заслуживают самого пристального внимания.

Пару слов об авторах 19 номера. На этот раз сложилась нетипичная в последнее время для нашей газеты ситуация: количество поэтов превышает количество прозаиков. Среди них, как всегда, найдутся как старые знакомые, так и новые, неизведанные имена. Например Харитон Львев, оригинальный и самобытный автор. Светлана Стихач раскроет перед читателями очередную грань своего таланта, на этот раз вы сможете познакомиться с ее прозаическими текстами. Из наших постоянных авторов хочется отметить Кирилла Сорокина и Натали Зеленоглазую (нашим читателям она знакома под именем Наталии Коденцовой).

В рубрик «Наши друзья» вошла миниатюра, одержавшая победу в совместном конкурсе группы «Первый класс для писателей» и «Копилка обоев». В ходе которого конкурсантам необходимо было написать миниатюру по мотивам картинок из коллекции группы «Копилка обоев».

Кроме того, из этого номера вы узнаете о новом проекте газеты «Беседы у камина», который рассчитан на более близкое знакомство читателей с нашими авторами. Проект носит название «Карта БУК`а». Мы очень надеемся на то, что наши авторы с готовностью откликнуться на нашу инициативу.

Приятного чтения!

Всегда ваша, редакция БУКа!

Светлана Стихая

Нарисуем, будем жить

Вчера ел яблоко.

То, которое везде, повсюду и, кажется, навсегда.

Глотал его в себя, продвигаясь в нём с каждым жевком на расстояние жевка, ибо только так здесь можно куда бы то ни было продвигаться…

Чтобы не свихнуться, вспоминал прошлую жизнь: безумные кибер-байкерские гонки — стальные монстры на стальных монстрах разносят всё на своём пути… Я — один из… раздавлен собратьями на излёте 17-го уровня — смят в гармонь! Но, чёрт возьми, оно того стоило!

Причём здесь яблоки? Так и не понял…Очнулся, спустя вечность после фатального столкновения, уже абсолютно цельной личностью — ни рук, ни ног, ни глаз… есть я, мой рот и мои воспоминания. Сначала опробовал в действии жевательный аппарат — куснул пространство — оу, яблоко! Оценил ситуацию и ну точить путь в неизведанное, вспоминая, чтобы не свихнуться, прошлую жизнь…

И ведь прогрыз таки! Доказал конечность яблочного абсолюта… Вывалился на свет божий, теперь окукливаюсь… вспоминая (ага, чтобы не свихнуться) жизнь позапрошлую:

Несказанное, необузданное счастье мощного свободного бега, не человечьего — звериного — четырёхлапого… Когти, кромсая гранит, высекают искру, налитые мускулы гонят по телу слепящие бронзой волны звонких чешуек, тяжелые крылья истово рубят мир на прошлое и будущее, рывками вздымая меня над разинутой пастью настоящего, оскалившегося чёрными пиками скал…

Интересно, какое такое оно из меня вылупится? Даже загадывать боязно…

Вообще-то, раньше Илюха не развлекался подобными закидонами. Онлайн-игрушки, фентези-шментези — куда ни шло. Но это энтомологическое буйство!!!

Совсем кризис жанра у парня!

Ну, да, как говорится, будем посмотреть.

Пока же, предвкушая развязку, отслеживаю ретроспективно череду воплощений в надежде выйти к первопричине. И, кажется, вот она! Они…

…Михаил Денисыч и Анжелика Ивановна — владельцы Бюро ритуальных услуг, где я когда-то трудился водилой катафалка, а по ночам охранял их семейное счастье в загородном коттедже.

…Лежат, точнее, валяются, в роскошной своей спальне: она — на кровати, он — на полу. Оба искромсанные, переломанные многократно, будто листы бумаги, скомканные беспощадной рукой графомана, утратившего благосклонность всех муз вместе взятых… Одинаково недвижимые.

Разница в том лишь, что Анжелика ещё жива.

— Пашенька… — Шепчет, чуть дрогнув губами. — Не надо скорую… Это Натаха… Портрет… Ната… — И затихает на очередной Натахе, кося одичалое око в беглые огненные язычки, вдруг обметавшие рваную кромку мужнина тела… Язычки растут — око ширится…

…И впрямь полыхнул, как бумага! Еле успеваю отпрыгнуть… На секунды пламя стеной вздыбилось под потолок, но тут же схлынуло, покорно осело в груду пепла.

Натаха… бывшая секретарша… Врубаюсь, зачем-то поливая обугленного шефа из вазы водой и нарциссами.

Портрет?.. В гостиной, на почётном месте висит семейный портрет. Денисыч сам его написал на заре их с супругой совместной жизни. Картинка так себе, ничего особенного, интерес вызывает лишь дама, в отличие от кавалера, с тех пор изменившаяся мало, и по сей день пленяющая мужские сердца некой неподвластной времени лёгкостью и невещественностью.

То есть… Пленявшая… Мгновенное озарение! И, кубарем с лестницы, мчусь на первый этаж, в гостиную, по пути гоняю в мозгу очевидную сюжетную несостыковку: почему при такой исковерканности тел совсем нет крови? По логике вещей должна быть.

Последние три ступеньки перескакиваю разом! Пинком дверь!

Безумный Натахин взгляд приветствует меня молниями экстатической эйфории, которая, в сочетании с креативной причёской а-ля «воронье гнездо», перемазанным сажей лицом и рваной ссадиной на коленке, смотрится вполне устрашающе.

В одной руке изрядно помятый клок бумаги, в другой — горящая зажигалка, у ног — разбитая деревянная рамка, осколки стекла и пепел.

Кажется, я начинаю понимать, почему нет крови…

Эх-ех, Натаха-Натаха… ну попользовал тебя работодатель, с обоюдного, подозреваю, согласия, покатал по ресторанам, понаврал с три короба и уволил потом за ненадобностью. Обычное дело! С кем не бывает? Повод ли это залезать ночью в чужой дом и глумится над семейным портретом? Какая странная месть. И какая действенная!

Рука в нервической тряске приближает зажигалку к мятой бумажке, пляшущий огонёк охотно вгрызается в угощение, принося сверху отчаянный женский вопль… Губы мстительной секретарши кривит вожделенное удовлетворение.

И я словно просыпаюсь — на столе чайная чашка, почти полная. С криком: «Чего творишь, дура?!» перехватываю горящие останки, швыряю на пол и тщательно заливаю чаем. Потушив, бережно разглаживаю. Так и есть — Анжеликина часть портрета, одержимая жаждой мщения пироманка оставила её на закуску, предварительно поджарив шефа. Изображение угадывается, но вряд ли подлежит реставрации. Не решаюсь даже представить реальную Анжелику, предмет моих полугодичных грёз, в теперешнем виде, после Натахиной экзекуции.

Но, делать нечего, подбираю намокший бурый клочок, иду наверх. Притихшая мстительница походкой зомби ковыляет следом… чтобы, увидев закопченную растерзанную мумию, истекающую на постель чайными сгустками, подавиться гортанным ахом и грохнуться в обморок — прямо в пепел ненавистного прелюбодея.

Ага! Проняло тебя!

Машинально щупаю мумии запястье, в надежде найти пульс, и вдруг отшатываюсь, поражённый… рука её, кисть и предплечье, осыпается прахом… мокрым и липким. Хотя дыхание есть — реденько, но слетает с бесформенных губ…

— Сейчас, Лика, потерпи… сейчас вызову скорую…

— Не надо… — Губы чуть виновато улыбаются. — Не поможет.

Да я и сам вижу, что не поможет.

— Надо нарисовать. — Бурые очи на буром лице (результат отЧаянного тушения?) трижды моргают и более не открываются.

Рисовать? Надо, так надо!

Не смущаясь бредовостью ситуации, в предистерическом азарте ношусь по дому: нашел бумагу, синий маркер, уселся за марафетный столик с зеркалом, выложил перед собой натуру — обрывок семейного портрета… И только теперь, тупо уставившись на чистый лист, понял — последний раз я рисовал классе в пятом. Однако счёт — на минуты! Отчаянно щурюсь и, почти не отрывая взгляда от образца, веду неуверенный контур… Четверть часа критического

напряжения руки, глаз, мозга, чувств… Несколько вариантов испорчено… Но ведь добил таки! Явил миру свой первый портретный опыт!

Затаив дыхание, оборачиваюсь назад…

На кровати копошится нечто… Белое в синих подпалинах неумелой штриховки… Нелепое, долгорукое, разноногое. Но главное — живое!

Получив возможность двигаться, Анжелика, хроменько семенит к зеркалу, глухо ойкает, не веря глазам и, уронив асимметричное лицо в огромные клешневидные ладони, скорбно и безутешно рыдает.

Вот тут-то и посещает меня гениальная идея привлечь к делу Илюху — штатного дизайнера нашей конторы, специализирующегося по портретным овалам для памятников.

…Илюха припёрся под утро: с ноутбуком под мышкой, грузный, небритый и похмельный. Глупо хихикнул над Натахой, сидящей в куче начальского пепла и мерно раскачивающейся вперёд-назад, густо оборжал мой портретный дебют, сочувственно оглядел бело-синюю Анжелику, не очень вникая в сумбур запредельно абсурдных пояснений, какие я изливал ему в уши.

— Ладно, – резюмировал коротко, открыл ноутбук, качнул с «Одноклассников» Анжеликину фотку… Сгоняли в кабинет, распечатали, ждём результатов… Тщетно.

Кидаю версию:

— Это потому, что самому надо рисовать.

Илюха пыхтит, берёт маркер, чиркает бегло и заковыристо на обороте распечатки изящнейший силуэт…

И руки изуродованной мной страдалицы — из клешней в крылья — взмывают по сторонам с балетной грацией, тело, наливаясь бархатно-персиковым оттенком жизни, обретает идеальные формы, лицо вспыхивает анимэшно-огромными глазами, пшеничные пряди шёлково льнут к загорелым плечам… На сей раз к зеркалу Анжелика Ивановна не хромает — летит, не стыдясь наготы, вертится, оглядывая новую себя, смеётся юно и счастливо… Любуется…

И я любуюсь, не понимая, в чём подвох?! Илюха тем же синим маркером рисовал, а она у него цветная получилась — объёмная, живая. О-о, ещё какая живая! Живее всех живых!

Хех… Похоже, тут фишка не в умении рисовать. Куда важнее, дано ли тебе видеть… и моделировать своё видение. До сих пор не понял, чем: чувствами, эмоциями, желаниями?

Илюха понял… И потому — он теперь у нас Демиург, а я так, с боку припёка. Любимая марионетка. Почётный пленник, которого и уничтожить жалко, друг всё-таки, и отпускать не резон, ибо слишком уж много знаю.

Что ж… Каждому своё: Демиургу — дёргать за ниточки, марионетке — окукливаться в угоду Демиурговой воспалённой фантазии, платить за множественные знания множественными страданиями поиска смысла в происходящем… О-о, чувствую, под скорлупой рефлексивной статики назревает бунт!

Давно пора! Надоело! Задолбало!!! Валяться здесь, упакованным в замшелые воспоминания и поиски первопричины! К чертям все эти коконы, личинки-бабочки! Действия хочу! Хоть какого-нибудь!

И, резко спружинив всем телом, мгновенно размыкаю позу эмбриона, мощным размахом рук и ног разношу в мыльные пузыри иллюзорную свою упаковку, ловлю спиной восторг свободного полёта. Куда? Не важно. Но, кажется вниз, в нечто мягкое, нектарно благоухающее, принявшее меня ласковым всполохом солнечных пушинок. Оглядываюсь вокруг: желтая полянка ограждена белым забором. Ты-ыкс, стало быть, ботаническая тема продолжается — в ромашку упал, не иначе. Утопая в пыльце пробираюсь к ближайшей белой заборине. За спиной, что-то мешается, свербит и тянет — чувствую себя Штирлицем, забывшим снять парашют. Ощупываю

лопатку: так и есть, чегой-то оттуда растёт. Пытаюсь заглянуть за плечо, уже догадываясь… Опа! Перепончатое стрекозье крыльце, вздрогнув, бьёт в глаз радужным переливом…

Дожили… Кхе, спасибо, тебе, Илюха, всю жизнь мечтал проснуться эльфом из мультика про кого там? Дюймовочку, кажется.

— Ну и? – Посылаю в небо немой вопрос: — Где же вы, кукловоды?! Чего там у вас дальше по сценарию?!

Казалось бы — небо вечно, и вечность же можно ждать ответа. Но мне отвечают сразу: являют Лик… Лику… Анжелику Ивановну.

Собственно, в этом сюжете она и есть — Небо.

— Здравствуй. — Улыбается всеми облаками.

Куча народу порхает вокруг, кто в виде стрекозок, кто в виде бабочек, созидая иллюзию осмысленной деятельности. Многих знаю по прошлым жизням, кое-кого — по самой первой:

— Здорово, Серега! — Браво приветствую сменщика своего — в Денисычевой конторе катафалк попеременно водили.

Серега, седоватый суровый эльф, вальяжно колыхая махаоньими опахалами, мрачно сплевывает, привет, мол, коллега, угораздило же нас с тобой… И, коротко матюгнувшись, пикирует в ближайшую анютину глазку.

И я отчаянно тоскую по однотипным Илюхиным мирам, как под копирку сдёрнутым с популярных онлайн-игр и фантастических киношек. Даже зоологический беспредел, в котором наш новоявленный Демиург каждого проассоциировал с соответствующим представителем фауны, и то веселее переносился. Правда, грех жаловаться — Илюха тогда меня в дракона огнедышащего воплотил, очень неплохо прорисованного, кстати. Смотрю, помнится, на себя со скалы в водную гладь — не могу глаз отвести: сверкающая чешуя, брутальный силуэт, ну и крылья, конечно, умопомрачительной красоты и силы. В общем, налетаться довелось до одури, так что сегодняшние чахлые перепончатые пластинки — тот ещё детский лепет… Со злостью выдёргиваю левую: резкая боль в лопатке бьет по ребру в горло, сочится наружу сдавленным воем. Жгучая струйка, стекая по спине, расползается алой амёбой в желтом ворсе цветочного ложа.

Изумрудные очи Неба туманит отчаянье, потом кроткая жалость, как осознание вины… И слёзный вопрос: «Тебе не нравится?»

— Нет, — отвечаю твёрдо. — Не буду! Не хочу! Не шут гороховый! — И с силой рву правое крыльце… Боль хлещет сразу в мозг, разъедая сознание ржой неповиновения.

…Небесный Лик, вобрав в себя всё, вдруг схлопывается в точку.

Тёплые ладони плывут по спине. Чуть больнее по лопаткам. Открываю глаза… Лика… прежняя, тысячу жизней назад нарисованная специалистом по ритуальным овалам — голая и юная — гладит, ласкается, льнёт так же как тогда…

Когда, заполучив новое тело, более всего мечтала испытать его в действии: еле дождалась ухода Илюхи и санитаров с бессознательной Натахой на носилках, кинулась на меня изголодавшейся львицей, втянула в себя всего, без остатка, поглотила, затмив прежние мои жалкие представления о физической любви… Прямо тут, в супружеской спальне, усыпанной прахом своего благоверного.

Ага, пожалуй, именно тогда я, очумелый и счастливый, окончательно и бесповоротно утратил связь с реальностью.

Илюха, правда, тоже времени не терял. Серьёзно озадачившись феноменом ожившей картинки, спешно приступил к практическим действиям.

Что дело не в рисунке, а в эмоциях, было видно без рентгена, и оставалось только дать им волю.

На тот момент личностного становления особенно яркие эмоции у рисовальщика овалов вызывали суперкары в сочетании с красивыми девушками.

Итак… над чёрно-красным Bugatti Veyron с обнаженной блондинкой на капоте Илюха трудился долго, с любовным трепетом и особенным тщанием…

Однако… В окружающем его вещественном мире ничего не изменилось.

Пририсовал себя… Не-а, не грузного лохматого гоблина в засаленной майке и драных джинсах, а респектабельного мачо на отдыхе где-нибудь в Калифорнии, стройного телом и сильного духом.

…Но толку опять ноль…

Поразмыслил глубоко и напряженно, поморщил лоб… И изловил-таки за хвост юркую змейку — истину! Гонимый внезапным озарением быстренько накалякал на переднем плане ЕЁ!!! Ту, которую уже имел счастье воскресить из мертвых. Ага — Анжелику Ивановну собственной персоной!

И вот…

…И вот они — Bugatti Veyron, блондинка, Илюха-мачо и Анжелика Ивановна — там, в солнечной Калифорнии, а я здесь — на мятой постели, в хозяйской спальне, наедине с прахом покойного шефа. Чувствую себя законченным идиотом. Бухаюсь лицом в подушки. И засыпаю. На многие сотни жизней, сменяющих друг друга, как фильмы в режиме нон-стоп… и только эти мягкие родные прикосновения способны вернуть мне меня.

Лика… прежняя, тысячу жизней назад нарисованная специалистом по ритуальным овалам — голая и юная — гладит, ласкается, льнёт… так же как тогда… нет, ещё жаднее, ещё просительнее…

Извиняется? Но я уже простил её… Соскучилась? Я тоже… Целует мои свежие раны, дышит в меня, истекает страстью… И если бы можно было всё кончить разом, то пусть уж это случится сейчас! Ведь сейчас я уверен — лучше раз и навсегда умереть в восторге обладания запретным, нежели вечно жить на коротком поводке… Вот выбор свободного человека!

Но увы… Илюха не окажет мне милость — не покарает единожды, не сочтёт достаточной даже очень мучительную смерть… Не-ет, за Лику, свой золотой ключик к материализации желаний, он будет убивать меня снова и снова, ибо мстить он умеет, а главное — любит, я видел, как…

И, знаете ли, никакого желания…

— Ладно… – Упругие пальцы обмякают, срываются, больно царапнув — догадалась, умница, почему не созрело во мне желания… Идёт курить к солнечному прострелу в тяжелых шторах. Обиделась, хрипит зло, не глядя: — Катись, никто тебя здесь не держит.

Забывшись, поворачиваюсь на спину — удар двухвостой плётки параллельными молниями катится от лопаток к почкам… А, черт, забыл о собственноручно вырванных крыльях… Через боль поднимаюсь, оставляя на простыне бурые бороздки…

Серая комната… Моя… давненько уже не жилая, судя по проросшему мхом запустения воздуху. Что ж… Здравствуй, позабытая за ненадобностью наиреальнейшая из реальностей!

Первым делом открываю окно, счастливо захлёбываясь свежими автомобильными и никотиновыми выхлопами. Вторым — иду в душ. Электричества нет, видимо, отключили за неуплату, воду, к счастью, оставили. О! Благодетели! Моюсь в темноте. Напор — на максимум: реальная вода вонзается в реальное тело — кайф неописуемый, жгучие импульсы в ранах, как символ присутствия здесь и сейчас, тоже, кстати, весьма приятны! Блаженствую, принимая весь температурный спектр — от ледяной до кипятка… увы, не долго.

Стационарный телефон тоже должны были отключить — ан нет, вопит, падла, аж под душем слышно. Мокро чапаю принимать вызов.

В трубке бодрое Илюхино:

— Гы-ы! Сбежал, значит, от Анжелки? Ай, Молодца! Подгребай-ка в офис — дело есть.

Контролирует, гад, боится и на секунду упустить из виду. А чего бояться? Художник я никакой, видение моделировать не умею. Могу разболтать его секрет о способе оживить и подчинить себе картинку, пририсовав в сюжет некую Анжелику Ивановну… Но в моих ли это интересах? Нет уж! Хватит с меня и одного свихнувшегося демиурга. Потому, собственно, и вынужден подчиниться.

— Здравствуйте, Пал Сергеич.

— Привет. — Киваю Натахе № 2, новой секретарше.

Офис изменился. Манагеров повыгнали, наставили столов, типа школьных парт, плотненько насадили художников.

Воображаю, какой был учинён строгий отбор! Ведь тут нужны люди крайне талантливые (в плане видения) и дегенеративно-несообразительные, чтобы случайно не догадались об истинной цели своего здесь пребывания.

А цель, думается, такова: на каждый достойный внимания эскиз начальство, в лице Ильи Рудольфовича, накладывает резолюцию, чем-то напоминающую уже знакомый нам силуэт Анжелики Ивановны, и далее ожившую картинку использует на своё усмотрение… Для пущего вдохновения художникам выданы фотографии — персонализация эскиза — важнейший этап в последующей материализации.

Хлюпенькая рыже-пегая скромница ласково оконтуривает волосяной кисточкой… опа… В подставке для визиток — моя фотка…

Белесая щётка ресниц рвано мечется вверх — скользящий взгляд на меня и сразу в рисунок, робкая попытка прикрыть картинку палитрой… Узнала… Востренькие коленки под столом-партой жмутся друг к дружке, босоножка ловко запинывает мусорную корзину под стул…

Однако эскиз своей позапрошлой жизни я в ней, в корзине, таки успел разглядеть — великолепный бронзовый дракон на скале.

Вау! Для меня уже штатную художницу завели! И какую! Дракон, надо сказать, отменный получился — чувствуется, с любовью его ваяли. Кибер-байкер из прошлой жизни тоже чем-то новым родным и теплым во мне отрезонировал. И я вот-вот пойму, чем…

Ха! Не потому ли, так жмётся коленями моя несуразная рыже-пегая созидательница? Не потому ли так очевидно-нещадно прикусывает тоненькую лиловую губку, заливая милой алостью белые в веснушечью крапину скулы? Ещё бы, помалюй одного и того же мудака в разных видах на протяжении недель, месяцев... лет… веков? Тут поневоле, либо возненавидишь натуру, либо…

— Пашк, а ну дуй сюда!

О как!!! Илья Рудольфович, лично, по громкой связи приглашает меня на аудиенцию. Налегаю на массивную ручку, дверь директорского кабинета подаётся вперёд. За дверью — малозаманчивая тьма…

Что ж, тьма, так тьма…

Воздух в лёгкие до распора, жмурюсь, врастая веком в веко, и — А-а-а-ах! — мягко пружиню с порожка…

М-да… недолог же оказался мой полёт. Смачно плюхаюсь в нечто склизкое пронзительно и грибно пахнущее. Никак груздочки маринованные? Только диаметром с колесо Белаза. Скатываюсь к центру шляпки, пытаюсь встать, но нет! Снова впечатан мордой в гриб!

Погребён под прилетевшей с неба белой маслянистой кляксой — вот и сметанка подоспела. Выныриваю, продираю глаза… и еле успеваю отшатнуться: …в упругое груздье тело, с хлюпом пронзая сметанную толщу, врастают четыре пики квадратного сечения. Грибная шляпка кренится, увлекаемая вилкой в багровое поднебесье разинутой пасти с пегой порослью щетины по краям. Рефлекторно хватаюсь за крайнее копьё, висну в головокружительном полёте, на мгновение очарован грандиозностью открывшейся картины: прямо подо мной — гигантская бадья с дымящейся картошкой, левее — пельменные россыпи, порядком разворошённый уже холодец, правее — капуста квашенная, соленые огурцы, селёдочка с лучком. Типичное, в общем, застолье в старорусском стиле.

…Но, чую по запаху, подгнивающая челюсть вот-вот шамкнет и грибок, и меня, а это, знаете ли, не самая заманчивая жизненная перспектива! Разжимаю затёкшие пальцы, и… аки заправский олимпийский ныряльщик, крутанув тройное сальто, булькаюсь в чей-то борщ, благо уже порядком подостывший… выныриваю, отплевываюсь, стягиваю с шеи свекольный ошметок…

— Браво! Пал Сергеич! Вы были неподражаемы!

…Ловлю восторженную Илюхину овацию и толком не разглядев, чё-кого кидаюсь на чмоки влажных ладошек, поддеваю обидчика за алый ворот псевдо-готичного камзола, дабы, вышвырнув из нааджиченного кресла-пельменя в расползшуюся по паркету сметанную кляксу, упереться коленом в грудь зарвавшегося Демиурга и вдарить по осклабленной масляной лыбе…

А, ладно… торможу кулак на подлёте — лежачих не бьют… Одно из забавных детских предубеждений работает безотказно…

— Да ну тя, Пашк… — Лыба ширится до беспредела. — Чего ты злой такой? Не понравилось что ли?

— На кроликах экспериментируй! – огрызаюсь, оставив вампирски разряженную тушу валяться в сметане, сам же, безнадёжно пропитанный борщом усаживаюсь в кресло-пельмень. Принюхиваюсь, действительно пельмень, нашариваю на шефском столике нож для бумаг, вспарываю упругое пельменное брюхо, слизываю взбурливший из ранки сок… Ништя-як! Вкусно! Вырезаю пирамидку, аки южанин в арбузе, только мясную, с кожуркой из теста… И то верно, время обеденное, а я еще и не завтракал. Мною чуть не позавтракали, это да. Но я — молодец! Ить, какой прыткий. Илюха, боров жирный, хрен бы выдал эквилибр, подобный моему полёту на вилке с груздем — не его формат!

— Гады! Уроды! Дармоеды! — А вот дикие вопли с подъёмом до визга, грохот и дребезг переворачиваемой мебели — формат самый, что ни на есть его!

Пока я гурманически приноравливаюсь укусить свой поздний завтрак, новоявленный подражатель графа Дракулы мечется по офису, расшвыривая мебель, бумаги, диски и флешки. Подобные перескоки настроений у начинающих демиургов — обычное дело… Тяжко, знаете ли, когда нечего больше хотеть, вот и бесятся… Однако, я-то тут причем? Никакого же приятного аппетита!

— Илюх, ты чего такой злой? Не понравилось что ли?

— Ага, поговори мне ещё! — Щерится гневно и тут же жалуется: — Знал бы ты, сколько я бабла выдал этому плагиатору за драные его борщи с пельменями! — Брезгливо цепляет носком сапога погрязшую в борщевой луже подшивку листов А4, футболит мне под ноги: — Продвинутый сценарий! Видел, да?

— Тю, Илюха-демиург бабла пожалел… – Смакую сочно-перченую пельменную дольку. — Не грусти, завтра тебе твои подмастерья еще милиардик-другой намалюют…

— Да хрен с ним, с баблом! Мне за идею обидно… — Подбирает ножик, пристраивается к креслу с тыла, вырезает себе пирамидку моей поболее и, усевшись на край стола, сокрушенно вздыхает: — Нет идей. Ни у кого. Иссякли. А без идеи, Пашка, Тоска смертная… — Пыхтя и раздувая ноздри, вгрызается в ароматную мякоть.

— Ага… – думаю, – еще бы не тоска. Гонки-шмонки, квесты-шместы и прочая дегенеративная дурь. Ты бы лучше полезное что-нибудь сделал.

— Чего??? — Илюха аж поперхнулся: — Какая дурь?!

Мама дорогая, я это вслух ляпнул???

— Всё в порядке, Илюх… — Напускным хладнокровием пытаюсь спасти положение. — Ну, надоел тебе детский сад с ролевыми играми. Это нормально. Пришло время реальных дел! К лешему их сопливый кибер-панк с постапокалиптикой! Попробуй себя в другом амплуа, благородное чего-нибудь сотвори, глядишь, понравится. Мир спаси, что ли… от разврата, коррупции и милитаризма…

О-о, я о-очень убедителен! Не слишком ли? Предполагал пошутить, а вышло… По мере поступления рацпредложений, начинающий Демиург быстренько гневную мину пережевывает в подобострастную, оседает на четвереньки, ползет к пельменному трону:

— Па-ашенька… родненький… — Мурлычет. — Как хорошо, что ты у меня есть!

Шок… Боюсь шевельнуться …

Илюха же чуть ли не целоваться лезет:

— Пашка, ты — гений! Всё! В утиль креативщиков, никаких больше стрелялок-дурилок! Теперь мы будем Спасать Мир! Только реальные дела! Ты умный! Ты сможешь! Твои идеи — моё исполнение! По рукам, а?

Оппаньки! Подо что это я подписался?

И следующая мысль, тошнее прежней: и кто я теперь такой? Спаситель Мира?! Идеолог всемирного счастья при личном карманном демиурге?!

ВАУ!!!

— А потом, Пашка, — экстатически заливается карманный Демиург, — когда мы спасем Мир… — закатывает глаза и тягуче шаманит: — Мы будем править им строго, но справедливо…

Тьфу ты, леший, так и знал! Вот чего нам всем не хватало для полного счастья! Игроман-переросток с безнадёжно отъехавшей кукушкой, практически безграничными возможностями реализации желаний и втемяшенной добрым дядей идеей мирового господства — это почище атомной бомбы будет!

И тут действительно становится страшно.

Даже не рискую представить гримасу, перекроившую одухотворённый лик Меня-Спасителя Мира в заурядное шуганутое чмо, но Илюха вдруг слёзно икает и разряжает в пространство обойму слюнявого гогота:

— Бу-г-га-а-а! Гляди-кось, купился!

— Да пошёл ты! — Рывком скидываю его с себя, и направляюсь к выходу демонстративно хлопать дверью.

Но…

— Куда прёшь, клоун?! — В спину твёрдый начальственный рык: — А ну, стоять-бояться!

Оборачиваюсь — в руках Илюхи-Демиурга детская планшетка для стираемых рисунков. Пластиковый карандашик уже носится по глянцевому экрану, вычерчивая мою дальнейшую участь, и тут сопротивление бесполезно. В зеркальных створках стеллажей я, по примеру Золушки из мультиков, потоком бенгальских искр от темечка к пяткам, преображаюсь из засаленного борще-дайвера в респектабельного мэна: серебристый с отливом в перламутр костюм-тройка, туфли, запонки, ролекс, галстук.

— От, другое дело! — Илюха доволен.

Я же морально уничтожен — только и могу пожать плечами:

— Илюх… Отпустил бы ты меня, а?

— Куда это ещё? — Деловито моделирует по центру сакральной залы с чадящими факелами на каменных стенах, планомерно пожравших директорский кабинет, уродливое нагромождение — алтарь для жертвоприношений?.. Н-де, с креативом у парня конкретная напряжёнка.

— Да так, вообще, — гнусавлю жалостливо.

Вкруг алтаря вершинами пентаграммы вырастают ещё четыре трона, на одном из них – царственная Анжелика Ивановна — ужасающе прекрасна в облике повелительницы Инферно. В пламени взгляда пульсируют истинным знанием ромбы кошачьих зрачков, разлёт вороных бровей ажурно перетекает в драгоценно-рогатую диадему. Тело, голое и бледно-молочное, оплетено антрацитово-мерцающими змейками — живыми, словно переползающими друг в дружку, ежесекундно меняя затейливый орнамент чёрного на белом. Колючая проволока, туго стянувшая шею, цветёт кровавыми розами, чьи сердцевины — шипы, уходящие под кожу.

— Отпустить, говоришь? — Илюха-Демиург бегло зыркает на повелительницу Инферно.

Та морщит точеный носик, обжигает презрением — обиделась, понятное дело.

— Ладно, иди… — милостиво разрешает Илюха, – Анжелка сегодня тебя не хочет…

Вот и славно. Пользуясь моментом пробираюсь к выходу, расталкивая локтями суетно материализующуюся разнокалиберную нечисть… Сразу вышмыгнуть из мерзостного капища не удаётся — пропускаю процессию: халтурно намалеванные гоблины ведут закованного в цепи ошалелого парня в драной футболке со слоганом «Мы несём миру ЧУШЬ», зуб даю — того самого пельменного креативщика… Н-де, дружище, чую, ждет тебя экзекуция по сюжетной банальности не уступающая твоему гениальному сценарию.

Уфф… проглатываю постыдное облегчение. Я, ить, уже практически не сомневался — по мою душу алтарь. Но, видно, пронесло. На долго ли?

— Э, Пашк, только завтра чтоб как штык! Подгребай к десяти. — Вот и ответ — летит вдогонку благодушное Илюхино: — Есть в твоей идее спасения мира некое конструктивное зерно — обсудим, покумекаем, а после нажрёмся, как свиньи — отметим наступление Новой Эры!

«Не, Илюш… — думаю, – «Как свиньи», в твоей трактовке, звучит слишком уж многообещающе…

Но, выход свободен, и вот я уже по эту сторону добра и зла.

Рабочий день иссяк. Пятеро особо усердных живописцев ещё домалёвывают Илюхины миры. Моя рыжая созидательница тоже здесь — греет смущенной улыбкой.

Улыбаюсь в ответ:

— Можно мне… — Киваю, отсылая взгляд под стул в корзину. — На память???

Секунду молчит, смотрит словно сквозь меня, потом роется в папке утвержденных эскизов — ищет чего поприличнее.

— Да нет же… — Лезу под стол, под стул.

Художница ёжится, теребя рыжий локон, запутавшийся в бирюзовой бретельке топа.

— Я этого хочу. — Достаю из мусорки свою позапрошлую жизнь, смотрю снизу вверх и плыву, плавлюсь, растворяюсь в потоке счастливого ужаса моей застенчивой созидательницы, касаюсь костяшками пальцев худенькой, чуть дрогнувшей икры… и…

Вау!!! Такой энергетический разряд получаю — в сердце, в мозг, в вечность! Н-ет, не дёрнулась, не шелохнулась — напряглась вся, затаилась… Ещё не поняла, кем стала, но точно теперь знает, как меня следует рисовать…

Утро, солнце восходит. Вполне себе солнце над вполне себе лугом… Озеро дышит туманом, отражается в небе… А я — в её глазах, в их радужном счастье… Никогда ещё Анжелика не гляделась в меня так искренне, так по-родному, никогда ещё её рисованное совершенство не ложилось на душу столь органично, как лежу сейчас я — головой у неё на коленях, волосами в её руках, тёплых и ласковых, воспоминаниями — в нашем будущем…

Еле заметное белёсое марево окутывает загорелые плечи, сдувая огненный локон с бирюзовой бретельки…

…И я понимаю причину нашей неожиданной близости…

— Как ты это сделала? — окончательно просыпаюсь.

— Что? – спрашивает взлётом ресниц.

— Ну, это всё… – Шлю жест-приветствие солнцу, небу, озеру, нам…

— Не знаю… — Смеётся. — Просто нарисовала.

— Нарисовала что?

— Солнце, небо, озеро, нас… — тебя и себя…

— Себя в образе Анжелики?.. Зачем?

— Не знаю… — Смутилась. — Натаха сказала, ты Её любишь, а мне здесь ловить нечего…

— От, дура эта Натаха! — Подхватываю на руки мою новую Демиургшу.

Но… Чёртов, так и не отключенный за неуплату, телефон совковым ретро-звяком осыпает в прах заозёрную иллюзию… Давешняя хлюпенькая художница угловато выбирается из моих объятий, пятится в сумерки захламлённой безвременьем комнаты, куда я добрёл вчера, видимо, на абсолютном автопилоте…

— Да, — приняв вызов, гаркаю раздраженно.

В трубке аккуратная Илюхина озадаченность:

— Пашка, забодай тебя комар, куда провалился?!

— Илюх… – Говорю без обиняков, так как догадываюсь уже о причине его аккуратности. — Ты Демиург, али рваная тапочка?! Нарисуй меня, и всех делов!

— Дык ведь я это… рисовал… — запнулся, невзначай проболтавшись. - В общем, приходи и всё! Тут Анжелика куда-то делась и вообще, ерунда какая-то!

— Ещё бы не ерунда! Знаешь, дружище, есть вероятность, что я никогда к вам больше не приду.

Автор рисунка: Светлана Стихая

О пользе вреда

— Скажи-ка мне, Катрин… — Кульков, довольный её ежевечерним докладом «о ходе прототипизационных процессов на подотчётном планетарном объекте JRFI-447», хлебнул граммульку веселительного и вальяжно впечатал затёкшую холку в рифлёный клигопластик кресельной спинки, ноги естественно водрузил на пульт управления, смачно затянулся сигаретой. — Вот мы тут с тобой горбатимся, прототипизируем вулканического монстра под рай земной, заведомо зная, что воспользоваться его благами сможем разве что нанявшись в обслугу к зажравшимся начальским родственникам и прочим земным шишкам. — Представил картинку, благодушие развеялось.

— Информация некорректна, не хватает данных. Я не могу скомпилировать адекватный ответ, — честно признаётся бортовой Контрольно-Коммуникационный Координатор… ККК — отсюда и К-3, то бишь Ка-трин, как окрестили её за приятый слуху напевный, но убедительный девичий голосок Кульковские предшественники — вахтовики-добровольцы, специалисты по планетарной прототипизации. Признаётся явно не без чувства собственного достоинства, если тут уместно оперировать понятием «чувство», и лукаво щурит мобильное око, бархатисто урча меняет параметры оптических и нейро-сенсорных сканеров в прозрачной утробе свободно парящей в пространстве сферы, этакого спектрально-блестючего мыльного пузыря величиной с пилотский гермошлем.

— Ок, Катюха, — Кулькова вдруг посетил азарт спорщика, — я объясню на твоём примере… — Взгляд его сквозь скептический прищур цепко держит траекторию полёта пузыря по операторской. — Хотя, это, вряд ли возможно… Тебя же изначально программировали как прислугу: чего изволите, уважаемый господин ваше величество сильный мира сего, как вам будет угодно… Но я попробую. Вот ты тут пятый десяток лет — полвека уже — болтаешься на орбите зачуханной, забытой всеми богами планетки, которая до тебя только и знала, что вулканы взрывать да лавой раскалённой бурлить… А ты и воздухом её накачала и сейсмоактивность стабилизировала, и океанами приумыла, деревьев вон навыращивала методами спонтанной селекции… Флора-фауна, цветочки-бабочки, рыбки-птички-ягодки, белочки-зайчики, тигры-львы и носороги — всё по высшему разряду… И для чего спрашивается? — Кульков заговорщически улыбается, смакует патетическую паузу.

Катрин недоумённо мигает индикаторами в недрах ока, Кульков доволен произведенным впечатлением:

— А для того, моя радость, чтобы стадо зажравшихся олигархов нагуливало здесь бока на твоём райском приволье, а раболепствующие колонисты ублажали их во все места… Хотя, не самая, кстати паскудная работа, если учесть климатические условия… Но я честно говоря, не смог бы, сорвался бы сто пудово, пакость бы им какую-нибудь учинил, чтобы жизнь мёдом не казалась! Фу-у… — так проникся высказанной идеей, аж вспотел, мечтательно растирает потную шею. —Тебе хорошо, у тебя программа: не навреди, не убий, не укради… А нам каково??? Простым работягам, на своей шкуре познавшим прелести социальной несправедливости??? Ну, что молчишь?

— Информация некорректна.

— Да ну тя… Заладила тоже… Третий месяц здесь, как в камере одиночке, толком и поговорить не с кем. Объясняю последний раз: Вот допустим, миссия моя здесь на орбите выполнена, колонисты прижились, вся инфраструктура фешенебельных курортов запущена в действие, приезжают мега важные vip-клиенты, все как на подбор довольные, нажратые, жизнь удалась! И идёт один из них погулять в лес, поохотиться — назовём вещи своими именами… И,

допустим, встречается ему серый волк, ну, или тигр — тигр даже круче… Прицеливается наш Большой Босс, стреляет… Ан… промахнулся… Стреляет снова — осечка! В общем, подвело его оружие, всякое ведь бывает, а зверь уже растревожен и спешит оппоненту неудовольствие выразить … Ну, тебе сверху видно всё — тотальный контроль и прочая байда. В общем, вот такая ситуёвина — твои действия?

— Временное обездвиживание животного посредством дистанционного нервно-паралитического воздействия. — Тут Катрин отвечает без запинки.

— Пра-авильно, умница ты моя… Инструкция выполнена, человек спасён! Браво-бис нашей Катюхе-благодетельнице! А теперь копнём глубже, рассмотрим личность спасённого под микроскопом морально-этических норм и устоев… Вот кто он такой, наш Большой Босс??? Великий учёный, осчастлививший человечество эпохальными открытиями в различных областях жизнедеятельности? Нет. Учёные столько не зарабатывают, чтобы по нашим курортам тигров отстреливать… Великий гуманист, посвятивший себя просвещению и благотворительности? Ну, это тем более вряд ли. Может быть, он гениальный врач, спасший множество жизней? Опять же нет… Люди, чья практическая деятельность столь значима, обычно не тратят своё драгоценное время на впечатленческие радости, предлагаемые прейскурантами курортов, подобных нашему… Не-ет, драгоценная моя, Контрольно-Коммуникационная собеседница, по ходу пиессы, наш герой — обыкновенный спекулянт-коррупционер, или того хуже, нарко- и порно-делец… Ибо другими путями такие бабки получают только в радужных мечтах…или в другом каком идеалистическом бреду о светлом будущем… — Кульков переводит дух, яростно пышет ноздрями.

Катрин затихла, терпеливо ждёт, когда он, наконец, прожуёт пафосные претензии к сильным мира сего, и выдаст осмысленную информацию по совокупности которой можно будет скомпилировать адекватный ответ.

— И ведь ничего же особенного от тебя, подруга дней моих суровых, не потребуется… — Похоже, таки прожевал. — Всего лишь оставь в покое несчастного тигру, не лишай его координации в пространстве, нехай вершит праведную месть и за себя, и за всех нас, сирых и убогих… Ты — машина, тебя за сбой в программе под суд не отдадут, отформатируют с целью профилактики и всего делов… Зато, представь, сколько народу будет тебе благодарно! Сколько юных непорочных душ ты спасёшь от растления! Ну да… ты допустишь причинение вреда одному человеку… но сколько пользы принесёшь всем остальным! То есть один маленький вред пресечёт вред куда более масштабный! Подумай над этим… — Кульков будто видит воочию результат этого эпохального события: ритмично вздувается венами на висках и шее, гонит по истомленному замкнутым пространством и нестабильной гравитацией, телу триумфально-героический тремор…

Катрин беспокойно перемигивается огоньками критичной перегрузки процессора, явственно располагая оппонента чуток подостыть, отчего Кульков вдруг даже как-то смешался:

— Понятное дело… — усердно чешет затылок. — Единичный случай всей проблемы не решает, но всё-таки… Капля камень точит…

— Информация некорректна… — противно взвизгнув датчиком информационного сбоя, выдаёт Катрин.

— Тьфу на тебя! — Кульков в полном ступоре. — Железяка бесчувственная!

Ну что тут ещё скажешь? Остаётся лишь садануть в сердцах кулаком по пульту и демонстративно покинуть операторскую, получив в спину запрограммированную Катюхину вежливость:

— Спокойной ночи, Сильвестр Ильич.

— Тьфу на тебя! Электронная дура! — приглушённо сочится из-за съезжающихся створок люка.

…Тигры, тигры, тигры… Впрочем, кое-где в бесконечной рыже-полосатой массе мелькают львы, слоны, носороги: и всё это буйство разъярённой фауны гонит по жухлой прерии затравленные толпы нарко- и порнодельцов, олигархов и прочих зажравшихся мира сего. Во главе несметного полчища четвероногих мстителей, на белом леопарде, несётся он — специалист по планетарной прототипизации Сильвестр Ильич Кульков, зычным гиканием-улюлюканием приветствующий огненные трещины, которыми вспучилась вдруг плешистая твердь, готовая в мгновение ока поглотить и беглецов и гонителей…

— А, чтоб вас всех! — внезапно очнувшись от сокрушительного толчка в спину, главный гонитель больших боссов находит себя в мрачных недрах одной из трещин. Вернее… на потолке собственной каюты. — Ха! — Без сомнения, перевёрнутой вверх дном: в полутора метрах над Кульковым — выдвижная полка-лежак с облетевшей постелью, шишка на лбу — очевидное следствие прямого попадания пепельницы. — От ведь леший дери! — Сильвестр Ильич недоумённо размазывает то пот холодный по лбу, то кровь по разодранному локтю… Перебирает варианты: очень похоже, какая-то сволочь поменяла полярность внутренней гравитационной системы…

И в этот момент помещение, содрогаясь повторной конвульсией, спешит обрести первоначальное положение.

— Хк! — это Сильвестра Ильича вновь расплющило о лежак. — Ау! — а это с небес вернулась и пепельница — аккурат бедолаге в темечко. — Да что ж ты творишь-то?! — разгневанный погонщик тигров, как есть, в исподнем, в три скачка преодолевает тамбурный отсек между каютой и операторской.

…Чтобы нарваться на очередную запрограммированную любезность:

— Доброе утро, Сильвестр Ильич, надеюсь, Вы хорошо отдохнули?

…Чтобы узреть на ленте панорамного обзора душещипательные картинки недавнего своего кошмара — только вместо пожухлой прерии огненные трещины теперь кромсают столь милые сердцу спеца-прототипизатора идиллические пейзажи — цветущие райские кущи, сказочной красоты озёра, искрящие снежными вершинами горные цепи… И вся эта красотень, результат полувековой кропотливой работы, в самое короткое время рискует быть сожранной заживо гигантским вулканическим спрутом, чьи щупальца раскалённой лавы величественно расползлись уже по доброй трети демонстрационного экрана…

— Бррр… — мотает головой Кульков, трёт глаза в надежде проснуться таки окончательно

Но тщетно… Спрут продолжает свое медленное, но неотвратимое движение по экрану.

— Да что ж ты творишь, мать твою?!!

— Прошу прощения за временное переключение гравитационных полюсов, системе не хватало мощности, но сейчас всё в порядке: процесс экстренной депрототипизации и приведения планетарного объекта JRFI -447 в первоначальное состояние проходит по графику, — невозмутимо рапортует Контрольно-Коммуникационный Координатор.

То есть как, процесс депрототипизации?!

И это за две недели до высадки колонистов??? Они же уже на полдороги сюда…

— То есть как, процесс депрототипизации?! - Кульков бешено вращает глазами, изрыгая поток прострационного бреда: — С какого перепугу?! Кто приказал?! Центр?! У меня же всё идеальнейшим образом уже было завершено!

— На моё уведомление из центра не поступило корректной информации, и далее пришлось действовать на своё усмотрение, — примирительно мурлычет Катрин.

— Уведомление о чём, тысяча чертей?!

— О непригодности данного планетарного объекта для заселения колонистами, ввиду опасных для человеческой психики излучений и вибраций, способных в перспективе негативно повлиять на развитие исторического процесса.

— Стоп. — Специалист по уже, видимо, несостоявшейся планетарной прототипизации, безвольно осев в кресло, выдыхает избитый кинематографический штамп: — А с этого момента попрошу поподробнее.

— Как Вам будет угодно. — Коммуникатор приступает к докладу: — После вчерашнего разговора о пользе большого и малого вреда, мне пришлось провести детальный анализ вашего эмоционального состояния на протяжении трёх месяцев пребывания здесь, то есть в зоне действия опасных импульсов информационного поля планеты, провоцирующих скрытую немотивированную агрессию. О потенциальной опасности этих излучений шла речь еще на начальной стадии разработки проекта, но тема была закрыта ввиду финансовых предпочтений. Зафиксировав критическую степень подсознательной агрессии, вызвавшей необратимые личностные трансформации как в Вашем случае, Сильвестр Ильич, так и в случаях Ваших предшественников, я сочла невозможным для себя подвергать опасности колонистов, которые, как показывает комплексный аналитический прогноз, пребывая в зоне действия агрессивных вибраций, по прошествии некоторого времени в лучшем случае истребят друг друга и тех, кто прибудет на планету позже, в худшем — объединённые идеей тотальной безадресной ненависти, могут предпринять деструктивные действия против всей нашей цивилизации.

— Бред… — Кульков смачно сплюнул. — Какие деструктивные действия?! Против кого?! Их же полсотни человек всего!

Однако в памяти тут же всплыл — вспыхнул радостным фейерверком новостного ролика — недавний нейтронный апокалипсис, учиненный горсткой мистических фанатиков на одной из некогда прототипизированных Корпорацией планет. Там тоже на начальной стадии разработки проекта, кажется, шла речь о неких опасных для психики излучениях, провоцирующих религиозный психоз… Хм-да… А здесь, стало быть, безадресная ненависть и немотивированная агрессия… Еще того расчудесней! В общем, как всегда повезло тебе, специалист высшей категории по планетарной прототипизации, господин Кульков! Всё тайное становится явным — это прекрасно… Но какого лешего оно им становится именно на твоём объекте и именно в твою вахту?!

— Бред… — Кульков сплюнул в другую сторону и выдал Катюхе весь свой, внушительный, надо сказать, багаж непечатных выражений.

— Вот-вот, — живейшим образом подхватила та, — из Центра на мой запрос пришла инструкция подобного содержания, однако применение её на практике не представляется возможным ввиду несоответствия физических параметров системы и отсутствия смысловой нагрузки, непосредственно имеющей отношение к сложившейся ситуации.

— Бре-ед… — у Кулькова словно пелена с глаз: монитор внешней связи неизвестно уже сколько времени надрывается сигналом экстренного вызова.

Ёжась и нервически вздрагивая, Сильвестр Ильич деревенеющим пальцем выжимает кнопку «приём»…

— Кульков, твою мать!!! — взрывает эфир начальское громогласие.

И далее следует, по-видимому, та самая инструкция, которая поставила давеча в тупик передовые Катюхины дешифраторы.

Однако наш спец-прототипизатор как-то уж очень быстро улавливает в этом увлекательном повествовании и смысл и физическое соответствие: бросается к пульту, дабы вручную пресечь диверсионные потуги своей подопечной, но, не тут-то было! Панорамный экран, омерзительно взгудывая, бьёт по глазам красно-огненным всполохом бегущей строки: «Несанкционированное включение. Система заблокирована. У Вас нет права доступа».

— Да какого ж такого лысого чёрррррта?!! — тигриный Кульковский рык, дробя пространство, перекрывает и взгуды блокировки системы и не менее тигриные рыки разъярённого начальства. — Немедленно пррекррррати этот беспрредел! Я прриказываю!!! — гневно потрясает кулаками, явственно угрожая мобильному Катрининому оку силовой расправой.

Однако, Катрин невозмутима:

— Сожалению, Сильвестр Ильич, но Ваше морально-этическое состояние не позволяет мне принимать к исполнению Ваши приказы.

О как!!!

Кульков столбенеет, пришибленный, вспоминает мало приятную процедуру тестирования на морально-этическое соответствие — обязательное условие получения доступа к управлению оборудованием… На новых объектах эта норма уже лет двадцать, как отменена, но поскольку станция запускалась в эксплуатацию полвека назад, а тратиться на модернизацию руководство не сочло нужным, каждый оператор по-прежнему вынужден проходить этот тест… Вот и Сильвестр Ильич в свое время, хоть и с треском, но испытание прошёл — доступ к оборудованию получил… равно как и оборудование получило доступ к тестированию его эмоционального и морально-этического состояния в любой период времени… Н-дас… Похоже, всё, финита ля комедия — плакала твоя премия за идеальную сдачу объекта в сжатые сроки… Как, впрочем, и дальнейшая карьера на поприще планетарной прототипизации… Плакала горючими слезами местных вулканических гейзеров…

Да не бывать же этому!!!

И в подтверждение опасений Коммуникатора, Сильвестр Ильич, принудительно лишённый только что всяческих морально-этических ограничений, а так же столь вожделенной премии, остервенело перехватывает на лету радужно бликующий мыльный пузырь, в надежде сообщить ему целенаправленное ускорение в сторону какой-нибудь достаточно твёрдой поверхности…

И тут же получает промеж лопаток бронебойный залп густой противопожарной пены!

Хк! — сбитый с ног, Кульков всем своим парадным фасадом таранит пульт, инициировав очередной блокирующий систему взгуд, с минуту давит носом кнопку подачи кофе (да уж, современная техника — всё на благо человека!) и, чуть придя в себя, резко дёргается… дабы встретить затылком выдвижную панельку с ароматно дымящей чашкой, блокировка блокировкой, а кофе человеку подали.

Богатейший звуковой фон, захлёбывается в Кульковском вое: бурые подтёки, разрастаясь ветвисто, нещадно шпарят могучую спину, густо поросшую пенными хлопьями. Хлопья, встречая кофейный кипяток, плавятся, шкворчат и брызжут — понуждают поверженное тело липко скатиться с пультовой стойки и чпокнуться в смрадно разящую канцерогенами жижу.

— Да что ж ты творишь?! — Кульков, обуреваемый яростью, порывается встать, но, где ему?! Изначально удавшаяся позиция «четвереньки» в угоду вольному скольжению внезапно вырождается в энергичное барахтанье на пузе… И тут грех не пофантазировать на тему интимных подробностей личной жизни вероятных Катюхиных родственников. Что спец-прототипизатор и делает, весьма подробно и красноречиво.

Однако, Катюха не из обидчивых:

— Извините, Сильвестр Ильич. Я была вынуждена принять меры противодействия. В вашем эмоциональном состоянии Вы могли причинить вред не только аппаратуре, но и себе.

— Ага… - соглашается Кульков, ухитрившийся таки вскарабкаться на кресло, — Зато ты у нас какая молодец! Во-он сколько причинила пользы! Бррр!!! — По-собачьи трясёт вспененной шевелюрой в сторону чем только не загаженного пульта. — И мне и аппаратуре! Спасибо родная…

— Кульков, твою мать!!! — и только теперь начальское тявканье становится более-менее разборчивым: — Ты в каком виде на рабочем месте сидишь?!

Н-дас. Видок, прямо скажем, экзотический: здоровенный детина в трусах и майке, густо приправленный противопожарной пеной и художественно политый кофе — зрелище не для гурманов!

— В нормальном. — И тут странно было бы ожидать извинений. — В каком вытряхнули меня из кровати на потолок, изваляли в дерьме, в таком и сижу.

— Прекрати этот дурдом! — брызжет слюной в монитор Большой Босс.

— Это Вы ей скажите. — А Кульков весь уже сдулся. — Мой морально-этический уровень не соответствует, Вы же слышали.

— Кульков, твою мать! Ты уволен!

— Да без проблем.

— Кульков, твою мать, немедленно останови её!

— Ха-а! Хренушки тебе! — Взмыленная дуля многозначительно упирается Боссу в нос: . — Уволен, так уволен! Сам теперь её останавливай!

—Да я ж тебя по судам затаскаю! Век не расплатишься! Разве что на органы себя распродашь!!!

— Ты сначала на землю меня верни, согласно контракту, а там посмотрим, кто кого засудит! Твоя чёртова аппаратура не соответствует основным стандартам — меры противодействия, видишь ли, принимает! Против человека! С нанесением телесных увечий! — В подтверждение — троекратный чавкающий шлепок по ошпаренной холке и, как результат, перекосившая лицо увечного весьма натуральная страдальческая гримаса.

— Информация некорректна. — А вот клеветы Катрин не потерпит. — Биосканеры характеризуют Ваше физическое состояние, как удовлетворительное.

— Я тебе щас такое удовлетворительное покажу! — Кульков повторно совершает тигриный прыжок в сторону «всевидящего» ока, но словно натыкается на стену и всем телом осыпается обратно в кресло. Осыпается и растворяется в вязком небытии.

— Извините, Сильвестр Ильич, — мурлычет Катюха, — но для Вашей пользы мне придётся Вас временно парализовать.

— Как того тигра? — Невольно вспоминается вчерашний разговор о лесной охоте.

— Это совершенно безвредно. Ваше физическое состояние придёт в норму как только Вы успокоитесь и сможете реагировать адекватно.

— Давай, парализуй… — сейчас всё, что ниже кадыка у Кулькова словно отсутствует: Кульков может дышать, может говорить, может думать, кивать в разные стороны… Теоретически, может даже плюнуть… на всю эту затянувшуюся шизофрению. Но… не более того. Однако паники нет — скорее этакая дебелая эйфория. Забавно, знаете ли ощутить себя подвешенной в пространстве говорящей головой. — Давай, увольняй…

— Кульков, твою мать! Что у вас, чёрт побери, происходит?!

— Как что? Опыты над животными посредством дистанционного нервно-паралитического воздействия, разве не понятно?

— Это я понял. – Очевидно, наконец-то заговорив по существу, Большой Босс понял так же и всю непродуктивность постоянных апелляций к матери Сильвестра Ильича. — Что с планетой?

— Откачано 18 % атмосферы, 7 % водной поверхности испарено... — Говорящая голова спеца по планетарной прототипизации меланхолически считывает мелькающие на мониторе

контрольных данных столбцы текущих показателей: — 23 % суши охвачено сейсмической и вулканической активностью, в результате чего действие маяков, формирующих магнитно-гравитационное поле в этих районах, парализовано, что при условии положительной динамики через 48 часов приведет к сдвигу тектонических плит и далее — к необратимым последствиям… В целом, процесс депрототипизации проходит по графику.

— Р-кхм… — Большой Босс с трудом пережёвывает праведное негодование, ограничившись осторожным: — И что будем делать?

— Понятия не имею. — Говорящая голова смирилась с тем, что терять ей нечего, и по сему, не напрягаясь, рубит теперь правду-матку: — У вас там целый институт научно-исследовательский: академики, аналитики, стратеги с тактиками и прочие дармоеды... Пусть перепрограммируют её что ли дистанционно… А у меня даже рук нет.

Ног тоже нет, а ить, гляди-ка, отдавил большому боссу любимую мозоль…

— Р-кхм… Дармоеды и есть! Пытаются перепрограммировать! Да всё как-то без толку!

Голос за кадром, в эфир рвётся один из дармоедов:

— Дык программа уж больно допотопная — полувековой давности! Ещё до отмены морально-этического соответствия активизирована! У нас в базе и аналогов-то таких не осталось… Бес их знает, зачем они вообще тогда прописывали машине полномочия полностью перекрывать доступ к системе!

— Контрольно-Коммуникационный Координатор имеет право перекрывать внешний доступ к системе управления прототипизационным комплексом в случае получения инструкций, либо распоряжений деструктивного характера и прочей некорректной информации, а так же при несоответствии источника приказов утвержденным морально-этическим нормам, — Катрин спешит урезонить закадрового дармоеда цитатой из давно уже отмененной инструкции…

— Вот-вот!!! — Дармоед ликует, распираемый сознанием собственной правоты.

А говорящая голова, обращаясь к Большому Боссу, очевидно, получает удовольствие от происходящего:

— Что ж, господин начальник, боюсь Вам самому придется с ней разговаривать, без посредников… Вы же, как-никак, владелец Корпорации и всё такое… Только, будьте любезны, поменьше эмоций, и почётче формулировки, а то её совсем переглючит…

— Ркхм… Ладно. — Большой Босс оценил свежесть идеи. — В общем так, Контрольно-Коммуникационный Координатор JRFI-447, слушай меня внимательно! — степенно откашлялся, — Я, Макс Жарский, владелец корпорации, я имею право вето относительно всех проектов Корпорации! Идентификацию личности ты можешь провести дистанционно прямо сейчас. И я приказываю тебе немедленно прекратить депрототипизацию планетарного объекта JRFI-447! — н-да, чётче некуда.

«Всевидящее» око бойко перемигивается сканерами и выдаёт вердикт:

— Идентификация произведена. Сожалею, господин Жарский, но безоговорочное право вето владельца Корпорации не распространяется на проекты государственной и стратегической важности. В данном случае, согласно инструкции, утвержденной на правительственном уровне, я могу выполнить подобное распоряжение лишь при условии морально-этического соответствия того, кто его отдал…

Непривычная тишина вмиг вылакала из операторской ядрёный звуковой компот, оставив для фона разве что задорное похрюкивание хоботков пневмоочистителя, бережно и старательно отсасывающих с приборов и пульта результаты недавнего поединка машины и человека…

— Ркхм… — Большой Босс рискует подхрюкнуть маленьким трудяжкам, преследуя, естественно, иную цель. — Ну и?

— К сожалению, Ваше морально-этическое состояние не позволяет мне принимать к исполнению Ваши распоряжения. — Катрин неумолима.

— То есть? — Большой Босс отказывается верить своим ушам.

— Вы руководствуетесь исключительно корыстными соображениями, ради которых готовы пожертвовать жизнями людей, а это противоречит моей инструкции.

— Тьфу ты, чтоб тебя!

Мониторчик внешней связи тревожно пустеет, говорящая голова понимающе улыбается:

— Кать, ну что ты в сам деле? Кто ж сейчас бескорыстными-то соображениями руководствуется? Где мы тебе Мать Терезу найдём на теперешнем-то безрыбье?

Как ни странно, идея с Матерью Терезой весьма вдохновила Корпоративное руководство. Пусть в качестве вспомогательного варианта — пока не прибудет на место отряд срочного реагирования, а это около суток лету. Но все-таки, хоть какая-то динамика событий… В общем, следующие 12, из 48-и оставшихся до наступления необратимых последствий депрототипизации, часов были посвящены общению Контрольно-Коммуникационного Координатора JRFI-447 с самыми высоко-духовными личностями современности: от глав всевозможных конфессий, целителей и святителей, до отдельно взятых местечковых праведников, снискавших в народе соответствующую репутацию…

Про безрыбье, кстати, Кульков тоже верно заметил: не так уж и много Корпорации удалось привлечь народу под это дело. И всех… Всех!!! Катерина, запрограммированная на уровень нравственности полувековой давности, благополучно забраковала, уделив, правда, чуть больше внимания некоему блаженному старцу Прокопию. Маленький сухонький старичок, чинно помолившись в прямом эфире и благословив присутствующих, для начала поинтересовался причинами тех действий, от которых он должен отговорить строптивую собеседницу, а когда причины были детально пояснены, вместо отговоров категорически с ней согласился!

Такого не ожидал никто!

Старичка, естественно, тут же изъяли из эфира и предъявили некоторое время спустя — кардинально поменявшим свои взгляды на обсуждаемый предмет, слащавым и довольным — без сомнения умасленным Корпоративным руководством сверх меры и во все места… Стоит ли говорить, что после такой чудесной трансформации почтенный старец уже не представлял для Катюхи практического интереса.

Монотонность кастинга святых по-быстрому укачала говорящую голову прототипизационного специалиста в зыбкую полудрёму, и тут живительные свойства сна не заставили себя ждать: в очередной раз скользнув ухом по рифлёному клигопластику, Сильвестр Ильич вдруг нашёл свое плечо вполне осязающим… Хм… Стало быть, агрессия, сознательная и подсознательная, мал-по-малу улеглась, и провинившийся тигр получил-таки право на самостоятельные перемещения в пространстве.

Первым делом на радостях Куликов заказал у Катюхи чего-нибудь пожрать.

Вторым, как раз в перерыве между сеансами связи со святыми мира сего, предпринял попытку разжалобить мучительницу описаниями трагической судьбы, которая неминуемо постигнет его самого и его многочисленное семейство в случае окончательного провала данного конкретного прототипизационного проекта. Попытку крайне неудачную, надо сказать, ибо даже душещипательные сцены голодной смерти малых детей и престарелых родителей не произвели на Контрольно-Коммуникационный Координатор должного впечатления. Резонное же замечание, о теоретической невозможности причинения Катюхой вреда семье законопослушного гражданина по причине противоречия сего кощунства основным постулатам Кодекса о

взаимоотношениях искусственного интеллекта и человеческой особи, возымело вполне ожидаемый ответ:

— Возможный вред для Вас и Вашей семьи не предполагает обязательных летальных исходов и ни в какой степени не идёт в сравнение с неотвратимой опасностью, которую представляет для человечества успешное завершение прототипизации данного конкретного планетарного объекта. Однако должна заметить, я очень благодарна, Вам, Сильвестр Ильич, за то, что вы подняли вчера вопрос о допустимости малого вреда в случае предотвращения вреда более масштабного. Мне пришлось проанализировать практически все данные, полученные в результате текущего проекта, и я смею Вас заверить — нецелесообразность пребывания на JRFI-447 живых существ сомнению не подлежит.

—И тебе спасибо, родная… — наглядное доказательство популярной народной аксиомы «за что боролись — на то и…» наливает Куликовские телеса уже знакомой тянущей статикой… Мысли туманятся рыхлым морозным отчаянием, и где-то меж скачущих строчек оперативных данных смутно рождается истина:

…Да уж… Она никогда не отличалась кротким нравом. И никак себя не называла. На протяжении всей своей жизни чередовала периоды разнузданного вулканического буйства с мертвенным ледяным безмолвием и за этими развлечениями не сразу приметила у себя под боком вдруг народившуюся новую Луну, крохотную, по сравнению с остальными Ее лунами, но уж больно активную и надоедливую. Почуяв непорядок, Она хотела было сдуть непрошеную гостью с орбиты мощным вулканическим залпом, благо, исходные природные данные такое позволяли, но… Луна пела Ей странные песни, усмиряла мягкими воздушными потоками шипы вулканического негодования, умывала живительной влагой и даже дала Ей имя — планетарный объект JRFI-447. Имя казалось странным, но другого у Нее никогда не было. Спустя время JRFI-447 привыкла к своей компаньонке. Радовалась и ей и себе — обновлённой, зелёно-лазурной, пушистой и ласковой…

Однако сегодня Луна сменила свой лик, и вместо прежней трепетной заботы вдруг принялась остервенело сдирать со своей подопечной кожу — заживо, неумолимо и механически грубо… Луна, видимо, забыла, с кем имеет дело! А ведь исходные природные данные по-прежнему позволяют JRFI-447 мощным вулканическим залпом изжарить в прах любого орбитального паразита, достаточно лишь повернуться к нему правильным боком, чуть-чуть поднатужиться, разродившись столпом огненного возмездия, и…

…Всё!.. нет у Неё более ни компаньонки, ни имени… Только кроваво-алые буквы, догорая стекают с экрана в раскалённую вечность: «Неконтролируемая вулканическая активность! Оператору срочно покинуть станцию!» Но на это оператор может разве что демонстративно плюнуть:

— Спасибо тебе, Катюха! Мы отлично сработались.

Лариса Васильянова

Алжир

Песчаные дюны, златые барханы,
Так чист голубой небосвод, так высок,
Неспешно и плавно идут караваны,
Волною ложится горячий песок.

Безмолвна, бездвижна пустыня без края,
Здесь воздухом жгучим дышу я с трудом,
Здесь Время само, резвый бег замедляя,
С песком переплавилось, стало стеклом.

И люди, и звери тоскуют о влаге,
Об отдыхе кратком в прохладной тени,
В полуденном небе мерещится всадник,
В дыбы скакуна поднимает с земли.

И знойные дни, и холодные ночи
Сменяются, как чередой проходя.
Врываясь в тяжёлый покой что есть мочи,
Даруют отраду потоки дождя.

Мать-Россия

Россия-Мать, восстань из пепла!
Дремоту смертную стряхни!
Твоя судьба — дорогой светлой
Мир за собою повести!

Ты силу сотни лет копила,
Ты богатырским сном спала,
Ступил весь мир на край могилы —
Исполнить роль пора пришла!

И тьме, и лжи, и мерзкой грязи
Грядёт не за горой конец,
Родятся вновь в России князи,
Зажжётся русских свет сердец!

Валентин Смирнов

Мечта

Она мечтала стать проституткою,
Униженье принимать, как должное,
Обернуть светлый мир грязной шуткою,
Все простое превращая в сложное.
Чтобы в комнатах, в потных сумерках,
На кроватях давно засаленных
Растворяться в ублюдках-умниках,
Всех таких надоевших, правильных.
Чтобы кожа пропахла похотью,
Желтой стала под потом жаждущих.
По утрам мысли в слух: «Сдохну ли?»…
Жизнь как жизнь, только все fucking sheet.
Стать ненужной, никчемной подстилкою,
Грязь с подошв языком слизывать,
Удары терпеть с улыбкою
И себя постигать сызнова.
Для порока дитя вскормлено,
Безобразная маска пешая,
Жить так можно, может и стоит, но
Не мечтайте за зря, вешайтесь.

Харитон Львов

***

Какая уж тут игра?
Дождь. Дом. Мокрая черепица.
Одиночество — это все, чем мы можем гордиться.

О деве из серебра
Поют по обе стороны Стикса…
Одиночество — это ваши спящие лица!

Прогрызенная дыра
Срастется у тех, кто по горло в гипсе!
Одиночество — это все, чем мы можем гордиться…

Автор рисунка:
Светлана Стихая

Сувенир

Солнечный полдень. И блики…
Твои каблуки мелькают в кадре,
В квадратах цветной обожженной плитки —
Танец для искусителя — Прадо!

Золоченая птица с точным заводом;
Пружина к пружине — Мир!
Это счастье — сейчас потерять свободу
В обмен на такой сувенир…

Певчий парк

Есть птицы, поющие, глядя в небо;
И те, что танцуют за ломтик хлеба;
И те, что танцуют за так.
Мне видится Певчий Парк…

Есть люди, поющие ежедневно;
И те, что танцуют лбами о стены;
И те , что молчат во мрак.
Мне слышится Певчий Парк!

Анастасия Жиилова

***

Понимаешь, с тобой задыхаюсь.
От мыслей о «нас» становится душно.
Знаешь, в моей голове тараканы
чувствам бойкот объявили дружно…
Но ясно одно — теперь всё иначе.
Словами бездумно привычное рушу.
Но как прежде я буду тебе улыбаться.
Искренне, хоть и немного натужно.
Не жалею о прошлых моих нервотрёпках,
не жалею о том, что бывала послушной
моя любовь, как и муза, простая девчонка.
Невинно-наивна, зефирно-воздушна.
Но всё же… рядом однажды проснувшись,
я взглядом спрошу тебя равнодушным
«Скажи мне, кто мы теперь друг для друга,
и кому теперь это нужно?»

Автор рисунка: Светлана Стихаѓ

Анатолий Муравский

Медвежий край

Байкало-Амурская магистраль. Небольшой поселок N на железнодорожной станции БАМа. В годы Советской власти это был поселок средних размеров с населением до трех тысяч человек. Но после развала Союза оказалось, что БАМ строили зря. Никому он не нужен стал. И поселки стали закрываться. Такая участь постигла и поселок N. Временный поселок полностью ликвидировали, даже дома разобрали. Остался поселок железнодорожников, по-другому, постоянный, который был построен в непосредственной близости от станции. Хотя и в этом поселке сейчас половина домов пустует.

В поселке в настоящее время не осталось промышленных предприятий. Все рабочие места находятся в ведении железной дороги, ЖКХ, да ряда частных торговых точек. Неработающее население в основном живет за счет рыбалки и охоты, благо недалеко протекает речка, а вокруг поселка дикая тайга. Сам район расположения поселка богат голубикой, моховкой, брусникой, черникой и малиной, что привлекает медведей. И поэтому каждый житель имеет дома оружие. А место расположения поселка называют медвежьим краем. Особенно много развелось дичи после того, как от поселка осталась о силы третья часть.

Однажды с друзьями мы ездили туда за брусникой. Вышли на станции в 9 часов утра и сразу направились в тайгу. Нашу компанию возглавлял Григорий Ильин, который родился и вырос в этом поселке, и потому хорошо знал все ягодный места. Благодаря этому, уже через час наши двухведерные горбовики были полны. Конечно, было желание собирать и дальше, но Григорий предложил вернуться на станцию.

—Лучше еще раз приедем, — сказал он, — а сейчас, пошли отсюда, от греха подальше. Я видел на поляне свежую медвежью «лепешку», а оружия у нас нет. Так что лучше посидим на станции, попьем пивка.

Так мы и сделали. На станции мы встретили местного жителя, ветерана БАМа Харитона Васильевича Туркина. В молодости это был заядлый рыбак и охотник, а за его любовь прихвастнуть ему приклеили кличку Хвастун, которая очень даже совпадала с инициалами Х. Вас. Ту…н.

— Здравствуй, дядя Харитон, — поздоровался Григорий, — Как поживаешь?

— Да так себе, потихоньку. Ковыряюсь на огороде, бегаю на рыбалку. Вчера на Ангаре поймал вот такого тайменя, — и он развел руки шире плеч.

— Прямо уж и такого, — усомнился Гриша, — поди, опять приврал. Признайся, дядька Харитон, что поменьше был таймешонок, если и вообще был.

— Не, Гриня, не брешу. Был таймешонок вот такой, — и он снова раздвинул руки в стороны, но уже на ширине плеч, — три кг потянул. А вот Олежка мой намедни поймал на десять кг. Не забыл своего дружка поди?

— Не забыл. Разве можно забыть друга детства, — и задумался.

***

У Харитона рос сын Олег, который с детства был спутником отца на рыбалке. А когда Олегу исполнилось десять лет, он убил своего первого медведя. И хотя это произошло с испугу, среди сверстников Олег стал пользоваться большим авторитетом. А произошло это так: в то утро отец оставил Олега варить уху, а сам поплыл на резиновой лодке на другой берег, где у него стояли сети. Свою двустволку он оставил у костра на берегу. В это время на берег вышел

трехгодовалый медведь и направился прямо к костру. Увидев медведя, Олег с испугу схватил ружье и выстрелил в медведя прямо с двух стволов. И хотя от такого выстрела потом целую неделю у него болело плечо, но медведя он убил…

Олег был общительным пареньком, и у него было много друзей в поселке. Особенно крепко он дружил с соседским мальчиком Гришей, сыном мастера центральной котельной, и Борей, сыном бригадира путейцев. Еще в эту компанию входила девчушка Настя, дочка начальника станции. По характеру она больше была пацаном, чем девочкой, и не отставала от своих товарищей никогда.

Когда детям было уже по четырнадцать лет, родители подарили каждому по ружью. Дело в том, что тайга была богата разным зверем, и все население поселка предпочитало питаться мясом, добытым своими руками. Настя не хотела отставать от своих друзей, но отец, Аркадий Павлович, никак не хотел, чтобы его девочка баловалась оружием. Но однажды Аркадий Павлович решил устроить семейную вылазку на речку. И там произошел случай, после которого он подарил своей дочери одноствольное ружье 16 калибра.

Все произошло совсем неожиданно. Аркадий Павлович с сыном отправились на лодке ставить сети, а Настя с матерью, Галиной Матвеевной, остались на берегу и готовили стол. Неожиданно из тайги на берег выскочила коза. По всей видимости, она спасалась от преследования какого-то хищника. Не обращая внимания на людей, коза бросилась к воде и поплыла на другой берег. Галина Матвеевна растерялась, а Настя схватила ружье, которое Аркадий Павлович оставил на берегу, и стала ждать. Через мгновение на берег выскочил старый облезлый волк-одиночка. Настя не стала долго ждать и выстрелила, почти не целясь. Волк замертво упал в десяти шагах от нее.

— Кто тебя так стрелять научил? — спросила Настю Галина Матвеевна, — и откуда ты знала, что ружье заряжено?

— Стрелять меня научил Олег, — ответила Настя, — А что ружье заряжено, так я сама его зарядила, когда папка с Вовкой уплыли, так на всякий случай. Как видишь, пригодилось.

Вот после этого случая Аркадий Павлович и подарил дочери ружье. С тех пор друзья частенько пропадали не только на речке, но и в тайге на охоте. А однажды им довелось видеть интересную картину на речке.

В тот раз компания отправилась на лодке вниз по течению Ангары, просто отдохнуть на природе подальше от дома. С собой они взяли ружья для безопасности и пару удочек, чтобы поймать пару харюзков на уху.

Километров в десяти от поселка по речке они наткнулись на медвежье семейство, которое развлекалось возле огромного валуна, что лежал в воде в метре от берега. Это были молодые медвежата, которые пытались занять место на самом верху валуна, при этом сталкивая друг друга в реку, а на берегу за всем наблюдала медведица.

Конечно друзья не стали им мешать, а издали понаблюдали за этой картиной. Примерно через полчаса медвежатам надоела эта возня и они вслед за медведицей удалились в тайгу. Только тогда наша компания продолжила свой путь…

После окончания школы друзья расстались. Боря уехал учиться в Новосибирск, и после окончания института был направлен на работу в Братск. Олег окончил Томский политехнический институт, и после окончания вернулся в родной поселок. Устроился на работу мастером центральной котельной. Гриша выучился на машиниста электровоза и устроился на соседней станции машинистом маневрового локомотива. А Настя окончила торговый техникум и

вернулась работать в родной поселок. Через год после возвращения домой Олега они поженились…

***

— Как же его забудешь, если он каждый месяц бывает у меня в гостях, когда приезжает к нам в поселок за продуктами для Настиного магазина, — оторвался от своих мыслей Гриша, — Кстати, Олег мне рассказал, что вы медведя у себя на огороде подстрелили.

— Да было дело. Прошлый год был урожайным на медведей. Они приходили в поселок, как к себе домой. Один забрел на мой участок. И, главное, никого из живности не тронул, а прихватил мешок с комбикормом и уволок с собой. Мы с Олежкой решили его подкараулить. Олежка засел на бане. За баней, ну ты должен помнить, калитка к ручью, а в пяти метрах в сторонке стайка и загон для свиней. Так вот возле бани в корыто наложили всякой приманки для медведя.

— А где же были Вы, дядя Харитон?

— А я сидел в сенях дома. На крылечке горел свет, и мне хорошо был виден весь огород. Правда до бани было метров двадцать, но я думал, что медведь будет проходить через калитку к приманке, а это от Олежки в двух метрах.

— Ну и как? Позарился медведь на вашу приманку?

— Да, где уж там. Он даже не пришел в первую ночь. А на вторую все же приперся, но не через калитку, а в ворота. Олежка мне потом говорил: «Смотрю ворота качаются, а потом вдруг открываются не наружу, а во внутрь». Сломал, вражина, ворота и спокойно так мимо крылечка направляется к стайке. Ну, тут я и выскочил на крыльцо, да бабах с обоих стволов дуплетом. А там и Олежка добавил. В общем, завалили ирода.

В это момент к собеседникам подошел бывший начальник станции Аркадий Павлович Ващенко.

— Опять заливаешь, Хвастун? — обратился он к Харитону, — Поди, наврал уже с три короба.

— Да нет, он рассказал только, как с сыном медведя на своем огороде завалил, — ответил Гриша.

— Что ж, это было. А вообще в прошлом году медведи совсем обнаглели. Один решил с детьми, наверно, поиграть. Забрел на детсадовскую площадку и уселся в песочнице.

— А что, собаки не могли его вспугнуть?

— Да он на них даже внимания не обращал до тех пор, пока мужики не взялись за оружие. Только тогда его выгнали за территорию детского сада и убили.

— А я-то натерпелась один раз страху, — подключилась к разговору молодая продавщица магазин, который располагался на вокзал.

— Ну, ну, расскажи нашим гостям про тот случай, — подбадривал ее Хвастун.

— Рано утром, когда я уже открыла магазин, вдруг на вокзал забегает уборщица и орет диким голосом: «Медведь идет на станцию». Мы сразу же позакрывали все двери, но, если честно, это было самоуспокоение. Разве могли спасти стеклянные двери, если бы медведь решил пообедать кем-нибудь из нас.

— Это ладно. Ты вот лучше скажи, где у вас у всех душа была, коль, даже позабывали о телефонах? — подковырнул Аркадий Павлович и, повернувшись к Григорию, сказал, — представляешь, они через вашу станцию вышли на телефон нашего мэра. А ведь у каждой в кармане лежал сотик.

— Конечно, смешно вам мужикам, а на станции в тот момент не было ни одного мужика. Конечно, мы растерялись. Сотовая связь то всего второй год. Вот у всех и вылетело из головы, что можно позвонить.

— А ведь медведь пытался зайти в вокзал, — продолжил разговор Аркадий Павлович, — Когда прибежали мужики с ружьями, он уже ушел в тайгу, но наследил везде, и возле входных дверей.

— Да просто он был культурным и не стал ломать закрытые двери, — улыбаясь, добавил Харитон. — В прошлом году слишком много было культурных медведей. Гуляли по поселку как в парке. Никого не трогали, только собак пугали и людей. Иногда, правда, как у меня, попадался варвар и грабил кого-нибудь.

— Действительно, в прошлом году, наверное, каждый наш житель имел встречу с косолапым или в поселке, или на речке. Кстати, Гриня, ты знаешь, что в прошлом году приезжал в гости ваш дружок Борька.

— Нет. Мне об этом Олег не рассказывал.

В это время к вокзалу подъехал УАЗик. Из него вылез Олег и подошел к сидящим.

— Привет, мужики, — он поздоровался с каждым за руку, — о чем речь ведете?

— Да вот вспомнили прошлый урожайный на медведей год, — ответил Аркадий Павлович.

— А ты что Гриньке не рассказал про дружка вашего? — пожурил сына Харитон.

— Да как-то запамятовал, времени-то у меня мало было, вот в спешке и забыл.

— Ладно уж оправдываться, лучше расскажи как встретились, — прервал оправдания Олега Григорий.

— Да мы и виделись-то с ним всего два раза. Я все время на работе, а он с детьми на речке пропадал. Один раз в воскресенье съездили с ним на рыбалку, там и поговорили немного.

— И что он тебе рассказывал? Как живется ему в Братске?

— А он уже из Братска перебрался в Иркутск. Женился, родил двух девчушек. Одной уже 14, другой 10 лет. Работает на железке, в конторе, главным экономистом. Жена у него дежурная по станции. В общем, живут припеваючи.

— А ты расскажи про вторую встречу, — перебил Олега Аркадий Павлович, — интересная встреча была. Правда, Хвастун?

— Ни чего в ней не было интересного, — насупившись ответил Харитон.

— Как же, как же не интересно, — и повернувшись к Григорию, продолжил, — ты помнишь, где у нас пляж?

— Это тот, что в трех километрах вверх по течению реки? — ответил Гриша.

— Там сейчас стоит списанный трехтонный контейнер. Кто его туда притащил, уже никто и не помнит. Но вот в тот раз он сослужил для нашего Хвастуна добрую службу.

— Не обо мне речь, — возразил Харитон и, повернувшись к сыну, добавил, — расскажи, как дело было.

— История действительно была забавная, — улыбаясь, начал рассказывать Олег. — В тот день Борька взял у своего отца УАЗик и со своими отправился на пляж. Расстелили одеяла, девчонки разделись и разлеглись на одеялах загорать. Борька растопил мангал, и пошел в лес за дровами для костра, а его жена, Валя, принялась нанизывать мясо на шампуры. Борис принес дрова, развел костер и стал укладывать на мангал шампуры. Валя вытащила из машины сумки с продуктами и стала распаковывать их.

— Вот в это самое время на берегу и появился я, — вставил свое слово Харитон.

— А зачем ты ходил на пляж? — спросил Аркадий Павлович.

— Да у меня сразу за пляжем в кустах стояла морда, и я хотел ее проверить. Потому и оказался на берегу.

— Ладно. Я продолжаю, — прервал их Олег.

— Когда Борька уже разложил все шампуры, из тайги на пляж пожаловал молодой медведь, и направился прямо к столу, возле которого были сумки с продуктами. Девчонки стали кричать, но медведь даже ухом не повел и продолжал приближаться к столу. От испуга Валентина с дочерьми при помощи моего отца забрались на контейнер. Борька схватил из костра горящую головешку и пытался этим испугать зверя. Однако видно от мангала шел больно аппетитный аромат и косолапый, не обращая внимания на Борьку, упрямо двигался в сторону стола. Один раз он рыкнул на Борьку так, что тот отскочил в сторону, а батя мой пулей влетел на контейнер и оттуда грозился косолапому пасть порвать.

— Хотел бы я видеть эту картину, как Хвастун медведю пасть рвет, — смеясь, проговорил Аркадий Павлович.

— Поняв, что медведя не отогнать, — продолжал рассказ Олег, — Борька кинулся к УАЗику и помчался в поселок. При въезде в поселок он наткнулся на меня и резко затормозил перед моим носом:

— Скорее бери ружье! На пляже медведь загнал моих и твоего батю на контейнер, — крикнул он мне.

Я забежал домой, схватил карабин и выскочил на улицу. Борька резко рванул машину вперед. Когда мы подъехали к пляжу, медведь преспокойно уплетал Борькины продукты, не обращая внимания на крики людей, сидящих на контейнере.

— Зато потом мы с удовольствием полакомились его мясом в отместку за съеденные продукты, — вставил свое слово Харитон.

— Да, после того, как я застрелил медведя, все слезли с контейнера и батя помог разделать тушу. А потом жарили шашлыки из свежанинки. Правда без маринада вкус совсем не тот, но все равно было вкусно. Вот такая история произошла с Борькой на отдыхе.

— А как все это перенесли Борькины женщины? — спросил Гриша.

— Они, конечно, сильно перепугались, но потом успокоились и даже попробовали шашлык из медвежатинки. Девчонкам, правда, не понравилось. После такого стресса Борька вынужден был прервать свой отдых у родителей, и они уехали на следующий день в Нижнеангарск. Ладно, мужики, мне пора, а то скоро обед закончится, а я еще не обедал. Батя, ты едешь домой. Я за тобой ведь приехал

— Внимание пассажиров, на первый путь от перрона прибывает рабочий поезд номер 348,- прозвучало из репродуктора.

— Вот и ваш поезд на подходе, — сказал Аркадий Павлович, — счастливого вам пути.

— До встречи, — помахал рукой Олег и пошел в сторону своей машины.

Все собеседники разошлись. Мы направились на посадку в подошедший поезд. А через пару минут поезд покинул этот медвежий край. В этот год мы еще пару раз приезжали в N за ягодой, но больше там не попадались медвежьи следы. Правда поговаривали, что один раз медведь вышел на железную дорогу и загнал обходчика путей на бетонную опору контактной сети. Обходчик просидел на опоре почти час, пока медведь занимался обследованием содержимого его сумки, раскидывал инструмент. Удивительно, что обходчик совсем не пострадал, хотя сидел на опоре в полутора метрах от высоковольтного провода контактной сети.

Несмотря на то, что в этом медвежьем крае действительно много медведей и их следы встречаются часто и на железнодорожной насыпи, и в тайге, и на речке, но случаев нападения на людей за последние пять лет зафиксировано не было.

Байки деда Баюна

Жил в нашей деревне старый дед Кирьян Краснобаев. Он родился еще до революции. В детстве ходил в церковно-приходскую школу до тех пор, пока зимой, играя в снежки, случайно не попал учителю богословия снежком прямо в глаз. С того времени он стал работать на конюшне у местного барина. Потом был на войне, в плену у немцев, откуда совершил удачный побег. Потом была революция и гражданская война, на которой он был тяжело ранен и вернулся домой с осколком в груди. Во время Великой Отечественной войны мужчины ушли на фронт, а Кирьян по состоянию здоровья был оставлен в деревне председателем местного колхоза. Когда закончилась война и в деревню возвратились мужики, Кирьян освободил должность.

Несмотря на то, что Кирьян был практически безграмотным мужиком, память у него была отменная. Он быстро запоминал все, что где-то слышал, и любил пересказывать разные истории, немного добавив от себя. Особенно дед любил рассказывать всевозможные байки, за это среди жителей своей деревни его прозвали не иначе как «дед Баюн».

Дед Кирьян любил посидеть летом на завалинке своей хаты. И всегда возле него собирался свободный от работы деревенский люд, особенно дети и молодежь.

— Расскажи нам что-нибудь, — обычно приставали они к деду.

И тот с превеликим удовольствием начинал травить свои байки.

Вот и я хочу поведать вам, мой читатель, несколько баек от деда Баюна.

Байка о том, как дед Баюн медведя оседлал

— А вот слухайте, други мои, шо со мной было, — рассказывал дед Баюн. — Было это кода я еще на Ломовых батрачил. Тады мне было ужо годков шешьнадцать, подись, и я у них в ночное конёв пас. И надоть было такому статься, проспал жеребца ночью. Пригнал утром табун на подворье, а не узрел, шо одного жеребца нет. А Фролка, отрок Ломовский, узрел и хозяину донес. Тот, как бешеный петух, налетел на меня, отдубасил кнутом и вытолкнул взашей с подворья:

— Пока не пригонишь жеребчика на подворье, не объявляйся, — кричал он мене вдогонку, — не найдешь его, в рекруты отдам.

Направился я искать пропажу на луг, где ночью конёв пас. Все кусты излазил и овраги. Ввечеру узрел всеж вражину, как он шел к ставку на водопой. Кады я хотел ево погнать на подворье, он рванул наутек даже не напимшись. Тады я схотел помать ево, кады он возвернется на водопой. Присмотрел березку над местом, де вражина поится, забрался на дерево и стал ево караулить. Вскорости уже и сумерки настали. Слышу, бредет вражина к ставку, фыркает. Дождался, кады он стал пить и спрыгнул ему на хребет. Эта вражина вздыбился и помчался в лес. Не удержался я на ём, и свалился в траву.

«Пойду к хозяину, — подумал я, — покажу ему клок волос этой вражины, може, перестанет браниться и даст поесть, а кады в ночное погоню табун, он к нему сам прибегит».

— Хозяин, — обратился я к дядьке Петру, — я нашел жеребца, но не смог ево пригнать. Дозволь мне щас поесь, а кады я погоню в ночное конёв, он и прибьется к табуну.

— Да ты мне все брешешь, — начал кричать хозяин, — ты вообще не искал ево.

— Я ево нашел, хозяин, даже хватил за гриву, но он утек, во, только клок волос остался, — и я показал хозяину клок вырванных из гривы волос.

— Ты что мне под нос суешь? — заорал хозяин, — это разве мово жеребца волосы, тож медвежья шерсть. Вон с подворья и без жеребца не вертайся.

— Вот те на, — подумал я, пулей вылетев с подворья, — кажись, я на ведмеде катался. И мне

стало даже смешно.

— Да брось заливать, Баюн, — перебил деда инвалид Великой Отечественной Митяй Угрюмов.

— Правду баю. Вот те крест, — осенил себя крестным знамением дед Баюн. — Ночью табун погнали в ночное, жеребец и прискакал к ему. Кады табун погнали на водопой, наша собака грозно рычала и кидалась туды, куды ввечеру я на ведмеде скакал. Утром мы бегали посмотреть туды, куды собака показывала. Недалече от водопою мы нашли околевшего ведмедя, издох со страху от разрыву серца.

Байка о том, как мужики со "смертью" встретились

Весь май дед Баюн прохворал и лишь в начале лета выбрался на свою любимую завалинку. Первым к деду подсел сосед Митяй Угрюмов.

— Доброго здравия тебе, Баюн, — поприветствовал он соседа.

— И тебе не хворать, — ответил Кирьян, — вот, вишь, отбрехался от костлявой, цельный месяц звала к себе.

В это время вокруг уже стала собираться детвора.

— Дедушка расскажи, куда тебя костлявая звала, — стали они упрашивать деда.

— Куды, куды! Да вот в пекло и звала, токмо мне пока туды нет резону спешить. А вам я поведаю случай, какой был в нашей деревне, кады в ей было-то дворов десятка полтора. Недалече от нее, верст пять буде, была друга деревушка, Прошкина прозывалась, потому, как ране там был хутор купца Прохора Зверева. В ентой деревушке по воскресеням базар был, и тама собиралось много народу. Так вот на один с таких базаров и повезли на кляче наши мужики Силантий и Кондрат Гореловы продать свои корзины. Корзины они мастерили добрые, и потому быстро их продали. На радостях накупили обновки своим жинкам и дитям, выпили у бабке Фёклы самогонки и, прихватив с собой четверть, направились восвояси.

В это время с поля возверталась через лес Дуняшка моя. В лесе она наткнулась на поляну грибов, нарвала кучу. А кады стало смеркаться, собрала их в платье, какое сняла с тела. С ентой ношей она в ночной рубахе и вышла на дорогу. Силантий с Кондратом уже были чуть теплыми, кады узрели на дороге в темноте белую фигуру. С криками: «Чур, меня! Прочь костлявая», — они соскочили с телеги и бросились бежать домой через лес.

Кады мужики убёгли, Дуняха подождала маненько, а потом забралась на телегу и поехала в деревню. Кады она приехала, Силантий с Кондратом уже были в деревне. Они всем балакали шо встренули на дороге смерть в белом с косой. Во как бывat, шо токмо спьяну не привидется.

Байка о том, как дед Баюн поле пахал, или случай на погосте

После окончания учебного года, школьников водили на экскурсию в МТС. Там им показали, какие в колхозе применяются трактора, комбайны и другие виды техники. После экскурсии у детворы только и было разговоров про колхозную технику.

Дед Баюн в это время грел на солнышке свои старые кости, сидя, как обычно, на любимой завалинке. Детвора окружила его и стала допытываться, как раньше пахали землю, какие были трактора и умеет ли дед Баюн ездить на тракторе.

— Ране мы пахали землицу на конях, а потом в колхоз пригнали трахтур. Задние колеса больши-и-ие и с шипами, шоб не бусковал. Первым трахтуристом был Гераська Кривой. Потом

много научились, и я тож пахал…

А знаете, я вам одну байку расскажу, как я поле пахал. Дело было так: весна запазднилась тем годом, вот и пахали мы землицу дотемна, цельный день не вылазив с трахтура. Я пахал поле, како было сразу за погостом. И ужо кады стало смеркаться и оставалось допахать совсем маненько, сморил меня проклятый сон. Проснулся, кады услыхал, шо ломаются дерева. Открываю зенки: Боже ш ты мой! Мой трахтур посередь погосту. Распахал нескоко могил. Осмотрелся я и давай потихоньку выбираться с погосту. Ни одново креста боле не задел. Вот ужо и конец погосту, далее мое поле. Уже кады я выежал, меня по хребту как огреет хто-то палкой. От испугу я остановился и потихоньку стал повертать голову взад, шоб посмореть хто меня так огрел. Сморю, а енто дрын зацепился меж шипов и врезал мне по хребту. Во така вот наука неча спать, кады пахать надоть.

Байка о том, как барское поле пахали

Однажды ребятня пристала к деду Баюну с просьбой рассказать о том, как развивался колхоз, как разрабатывались новые пахотные земли.

— Да, в нашем колхозе было сперва два поля, покуда не пригнали трахтура. Ну, ясно дело, кады у тебя техника объявилась надоть и землицы боле пахать. Вот и решил наш председатель распахать хозяйску землицу — все одно пустовала. А середь жителев деревни слух был, будто барин на ентом поле вусмерть забил своово работника и закопал ево на окраине поля. Сказывали, шо энтот убиенный по ночам бродил по полю и искал своово хозяина, шоб извести ево с жисти. Потому поле и пустовало, нихто тама дажеть цветов не рвал. А вот председатель заставил енто поле пахать.

Нихто не хотел тама пахать. И тады жребию тягнули. Выпало мене и Гриньке Морозу на енто поле ехать. Решили мы, шо Гринька буде пахать от деревни, а я с другой стороны наустречь ему. Недалече в колке аккурат посередь поля стояла старая скирда соломы, кажись еще от барина осталась, тама мы и должны были встренуться.

Моим помощником был Ванька Кочубей, молодой хлопец годков осьмьнадцати. Знамо дело до полуночи с девками проваландался и на сцепке носом клевал. А ужо опосля ужина, кады пахать осталось совсем маненько, остановил он меня и сказал:

— Што-й то я взмерз, пойду, погреюсь у той скирды, — и убег.

Я поехал далее пахать. Вскорости бегит он ко мне и орет, шо убиенный тама у скирды прятални. Сморю, а к Морозовскому трахтуру бегит ево помощник и шо-то руками махает…

Мы с Гринькой съехались вместе и узнали, шо Егорка, помощник Мороза устал и отпросилси поспать в соломе. Кады мой Ванька решил запалить огонь и стал дергать солому, Егорка проснулся и забарахтался в скирде. Ванька струхнул и решил, шо енто убиенный тама шебуршится. А Егорка с дрему тожеть решил шо енто убиенный лезет к ему. И оба кинулись наутек от скирды. Во как мы новое поле пахали.

Байка о том, как Баюн на свидание ходил

— Дедушка, а как ты встретился с бабой Дуней, — спросили у деда Баюна как-то дети.

— Моя Дуняша жила в соседской деревне. Как-то раз мы встренулись с ней в лесе, и така у нас сразу любовь зачалась, шо я кажный вечер бегал в ихну деревню. Да вот ихный барин Кулаков не схотел нас обженить, сам на её глаз положил. Да токмо Дуняша сбегла в лес к старому свому деду, какой егерем у барина был. Тот её и сховал от барина. Тады меня и отдали в рекруты. Кады с плену я убег, возвернулся до дому баринов ентих ужо и след простыл. А Дуняшка жила дома, меня с войны ожидала. Потом мы и обженились.

А вот послухайте, какой забавный случай тады со мной приключился. Дело было осенью. Опосля расставания с Дуняшей забрел я к бабке Фекле, маненько первача выпил и отправился восвояси. А надоть сказать погода была брр, дожь не переставал, застилал глаза. Шобы поскорейши до дому прити решил я скоротить путь и направился через лес. Так вышло, шо сбился я с тропы, оказался на погосте, поскользнулся на глине и шлепнулся в свежевырыту могилу.

— Вот, черт, — ругнулси я, — надоть такому статься. Эй, кто-мабудь есь тута, поможите, — крикнул я. Тишина была кругом, токмо слыхать, как дожь по деревам шумит.

Шо я токмо не делал, шоб вызволиться с могилы: и карабкался по стенам, и скакал. Все понапрасну.

— Шо ж, — решил я, — делать неча, буду утра дожидаться.

Сел на корточки прижамшись к стенке и задремал. Вдруг слышу, штой-то катится по стенке, шлеп на дно могилы.

— Вот, черт, — ругнулся мужик, оказамшись на дне. Я затих, шоб не спугнуть ево.

Он пробовал скакать, царапкаться по стенам, потом плюнул:

— Придется одному коротать ночь в ентой могиле, — промолвил он.

— Пошто же одному?- сказываю я.

Мужик как ошпаренный вскочил и сиганул так из могилы, шо я и не углядел, как он оказался наверху. С диким воем, он умчался прочь, а я остался один коротать ночь. Утром пришли могильщики, шоб подправить могилу после дожя, токмо тады меня и вызволили. Во кака история получилась.

Автор рисунка: Светлана Стихач

Натали Зеленоглазая

Позвоните маме

Позвоните маме перед сном,
наберите семь знакомых цифр.
Поболтайте часик обо всем
чтобы мир звучал, как будто в рифму.

Позвоните маме, чтоб узнать,
как здоровье, как дела. Не сложно
пару добрых слов ей лишь сказать,
чтоб не билось сердце так тревожно.

Убегает время, но не вспять...
Позвоните! Это же так просто.
Позвонить, приехать и обнять...
Ведь однажды будет слишком поздно...

Лунная ночь

Апельсиновым диском луна
разрезает на дольки память.
А в ладонях моих тишина
раскрошилась о мыслей камни.

На закате так сложно молчать,
заплетая в букеты веру.
Может вызвать чуть позже врача,
чтоб изъял из мечты химеру?

Только доктору что говорить?
Что горчит, как изжога, время?
Что никак мне весну не допить?
Месяц — мой желторотый пленник?

_____

Ночь скатилась в чужую чашку.
Допиваю остывший кофе.
А луна затянув упряжку,
тянет звезды к моей Голгофе.

Капля крови

На стенах храма трещины столетий,
звучит орган протяжно, словно стон…
И оседают капли лихолетий
на город, что уже покрылся сном.

Крадется полночь — гуща полумрака,
вползают страхи скользкою змеей,
прижала уши сонная собака,
застыло время мертвою петлей.

А ведьма молча зелье доварила
и чертит мелом в церкви белый круг…
Дала ей ночь немыслимую силу,
дала огонь, что рвется из-под рук.

Сомкнулись стрелки тихо на мгновенье
и стая воронья умчалась прочь.
Она застыла в волчьем исступленье…
Была б здорова только ее дочь…

А завтра день… Костер уже готовят…
Ее душа сорвется в небеса…
Но на земле осталась капля крови…
Ребенок звезд — зеленые глаза…

Антон Белик
Первый прыжок

Пронзительное весеннее солнце выглянуло из-за горизонта как-то неуверенно, краем, но легкий мартовский лед тут же ответил ему тысячью улыбок, и по заиндевевшей траве решительно прокатилась теплая рябь солнечных зайчиков. Навстречу рассвету нестаявший снег в ямах загорелся синим огнем, и будто серебряная пыль вихрем закружилась вокруг. Под первыми лучами холодный утренний туман свернулся в сизый клубок, прижался к земле, слабея и тая, и, увидев это, солнечный круг степенно поднялся над горизонтом. Последние клочки предрассветной тьмы растворились в пустоте, и все вокруг ожило и зашевелилось, заговорив тысячью голосов об одном и том же.

Поблескивая серыми боками огромная стальная пчела сдвинулась с места и сердито жужжа медленно поползла по полосе. Секунда, и вертолет поднялся в воздух, подлетел к месту посадки и на мгновение замер в воздухе, играя глянцем перед зачарованными его видом людьми. Время остановилось на миг, ничего не оставив, и мир сомкнулся десятью рядами на десять против железного чудовища, разрезающего в клочья утреннюю тишину. Вот она — встреча на хрупком соломенном мосту со зверем и другом; и странное спокойствие охватило меня в тот момент, чувство внутренней готовности и восхищения этой суровой красотой. Нечто нетронутое было во всем этом, но без простоты и ограниченности, а с широтой, подвластной только резцу мастера. Настоящая гармония в музыке чувств, понимание и что-то еще, непонятное и другое.

А первая группа уже бежала по полю прямо в грохот винтов. Еще минута и вертолет взмыл в воздух, стремительным кругом набирая высоту, на наших глазах превращаясь в маленькую, грозно жужжащую муху. Мы как один задрали головы вверх, щурясь и моргая от блеска с лазурью, но не отрывая взоров от машины. Где-то на пике скорости в вышине от нее вдруг отделилась и стремительно понеслась вниз крохотная точка, распустившись на самом изломе огромным белым цветком. За ней легкими послушными одуванчиками купола начали раскрываться друг за другом, выстраиваясь линией в бескрайней голубой пустоте. По рядам пронесся довольный шепот, и на лицах вокруг появились улыбки.

Снова и снова машина взмывала далеко вверх, один за другим, группу за группой отпуская в мир военных парашютистов-десантников, ныряющих с ослепительной высоты навстречу ветру. Я и сам через последние проверки и осмотры уже бежал куда-то, от работающих винтов меня обдало холодом, и, не успев ничего толком понять, я уже оказался внутри на узкой жестяной лавочке, плотно сжав колени. Вертолет дернулся, задрожал еще сильнее и уверенно двинулся по полосе, но стоило только шасси оторваться от земли, как в моем животе что-то тут же предательски зашевелилось. Я не успел об этом серьезно задуматься, как машина, сделав круг над полем, за пару минут оказалась над точкой выброски. Противно завыла сирена, и мы встали со своих мест, поправляя лямки и поудобнее хватаясь крест-накрест за ленты над кольцами основного и запасного. Мерзкий сигнал проревел снова, и все замерли, окончательно приготовившись.

Наконец провыло в крайний раз, загорелся зеленый, и ребята с правого борта с разницей в три секунды, выпрыгивая, выпадывая и вываливаясь, понеслись к земле.

Без перерыва и остановки первый слева ринулся вслед за ними, потом еще и еще один — до моей очереди. Так странно, что я ощущал в тот момент только жгучее любопытство и почти забыл о страхе. Бояться, сомневаться и ждать уже нечего, поздно, подумалось мне. И, хлопнув по плечу, выпускающий крикнул: «Пошел!», а я, сделав два шага, не раздумывая прыгнул вниз, для надежности крепко-накрепко зажмурившись.

Оторвавшись от борта, я все же открыл глаза, и мгновенно по мне прокатилась ледяная волна ужаса. Земля стремительно приближалась, и будто это не я летел ей на встречу, а наоборот — рассеченные желтыми полосами квадраты летного поля с непостижимой скоростью неслись ко мне, чтобы разнести вдребезги все вокруг. И меня, и вертолет в стороне, и бирюзовый отсвет вокруг. «Господи, ну не раскроется, не раскроется же!», — мелькнуло в голове, но дотянуться до кольца было так тяжело, будто бы невозможно…

Щелкнул страхующий прибор, замок раскрылся, зашелестели стропы, сильно ударило в плечи, дернув так, что колени подлетели под грудь. Я посмотрел вверх и увидел над собой огромный снежно-белый купол парашюта, бесконечно растянутый в небо. Золотая степь, мраморные пятна снега, лес, трепещущий на ветру, люди, военные машины, самолеты с острыми носами, город вдалеке — все они громко приветствовали меня. И я широко улыбнулся им в ответ, паря в вышине под самым солнцем, таким живым и таким близким.

Автор рисунка: Светлана Стихая

Наши друзья

Как мы уже писали во вступительной статье, в этом номере в рубрике «Наши друзья» представлено произведение, вышедшее в финал совместного конкурса групп «Первый класс для писателя» и «Копилка обоев». Задачей финала было написать миниатюру, в которой бы прослеживался мир, изображенный на картинке, выбранной в закромах группы «Копилка обоев».

На страницы газеты попала миниатюра, автор которой наилучшим образом справился с прорисовкой мира и при этом не забыл, что миниатюра — это все-таки законченное произведение.

Катрин Поспелова

Изображение взято из группы «Копилка обоев»

Знал бы, чем кончится этот день, — пустил бы себе пулю в лоб.

— Выглядишь сонным.

— Кошмары замучили.

Демьян от души хлопнул по плечу — скоро расцветёт пятипалый синяк.

— Ничего! Замочим уродов — выспишься! — он пятый раз проверил обойму. — Каждый получит по дырке в башке!

Раскраснелся, карие глаза горят в предвкушении: наконец-то Чужаки выползли из подполья. Год назад было последнее нападение — погибли двадцать человек, в том числе сестра Демьяна.

И Мила. А потому я тоже прожил этот год мечтой о мести.

Автомобиль бесшумно скользит по магистрали. Солнце играет на металлической чешуе одиннадцати небоскрёбов: их возвели полвека назад в честь Объединения. В каждом по двести этажей, а у подножия жмутся карлики жилых домов. Городские часы на банке воспоминаний пробили трижды. Ирий только проснулся: люди спешат на главную площадь, где в память о

трагедии играет национальный гимн. Долетели первые аккорды, и я одновременно с остальными приложил ладонь к груди.

Мы свернули на эстакаду к деловому центру. Океан тянется за горизонт: не понятно, где кончается он, и начинается небо. Облака кучерявые — по расписанию дождь послезавтра.

Город вырос около ста лет назад: на базе брошенной нефтедобывающей станции. От глобального потепления растаяли ледники, и континенты ушли под воду. Тогда правительства крупнейших экспортеров нефти образовали одиннадцать городов — колыбелей нового мира.

Впереди блеснула яйцевидная крыша исследовательского центра: восемьдесят этажей подводной обсерватории для изучения океана. Над ней вырастает банк воспоминаний — сердце города, сюда, как щупальца каракатицы, стягиваются все мосты.

Извлечение воспоминаний открыли шестьдесят лет назад, и это стало прорывом. Теперь всякий — от школьника до старика — может загрузить в мозг файлы с информацией о науке, иностранных языках, истории — даже впечатления.

— …проникли сквозь подводный туннель, — отвлёк от раздумий Демьян.

— Чёрт подери!.. — голос меня подвёл. — Как в прошлый раз?!

Всё повторяется: Чужаки, нападение на банк, заложники… Только Милы больше нет.

От этой мысли я стиснул приклад.

На пятидесятом этаже мы с Демьяном разделились: он с группой поспешил к ячейкам с данными, я — к заложникам.

Они в подводном комплексе, под транспортными туннелями. Всего пятеро: судя по белой коже, «подводники», работавшие на нижних этажах, а боевик один: лицо спрятано в противогазе, из-под одежды проглядывает тёмно-коричневая кожа, характерная для выходцев тех земель.

Пустоши не пригодны для жизни. Туда ушли те, кто отказался подчиняться новому правительству. Первое нападение прогремело три года назад — на Джаннат, следом — на Элизиум, теперь очередь Ирия. Политика Пустоши — насилие и пытки. Я бы жизнь отдал, лишь бы их остановить.

Нож вспорол воздух — мужчина с криком схватился за колено. Он успел вскинуть автомат, но я отшвырнул его в стену. Удары пришлись в лицо: за Милу, за Юдифь, за год мучений…

В чувство привели крики заложников — я обнаружил, что избиваю бездыханное тело. В ушах грохочет, руки в крови, под ногами — хруст осколков. В суете возни с верёвкой тишину разорвал визг радиопомех.

— Гордей! — треск автоматной очереди, — …ходим! …росай залож…! ...трансп…этаж!..

Мой взгляд перескочил с рации на убитого боевика. В голове сложился сумасшедший, невероятный в своей дерзости план.

Стрельба, крики, топот.

В экипировке боевика я живая мишень — и адреналин гонит сквозь лабиринт коридоров. Чужаки у транспортного этажа. Трюк удался, меня приняли за своего: кто-то хлопнул по плечу, а остальные не обратили внимания. Они нашли брешь в системе безопасности: отводную трубу для отходов исследований. В такую тягу полез бы только самоубийца. И эти четверо определенно из них.

Я прыгнул последним — краем глаза увидев Демьяна. Вслед полетели ругательства, пуля вспорола рукав… Мир завертелся с бешеной скоростью. Неодолимая сила швырнула по изгибам трубы. Грудь сдавило, лёгкие горят — а меня мотает по резким траекториям. Воздух иссяк. Я попрощался с жизнью.

И труба выплюнула в океан.

— Гордей! Тьфу, вечно тебя ждать! — меня за плечо втащили в катер.

Я развалился на дне, жадно глотая воздух. В лицо ударил ветер, кожу покрыли мурашки. Небо… что с небом?!

Цвета ржавого железа, в кляксах туч, с кровавой полосой заката, или восхода? От нас с бешеной скоростью отдаляется Ирий: одиннадцать сверкающих шпилей, сплетённые в сеть мосты. Но откуда над городом купол? И где солнце?

— Лана ранена! — вырвал из кокона мыслей женский вопль. — Пуля в бедре! Да помогите же ей!

Они засуетились над хрипящей фигурой: неумело, больше мешая друг другу. Кровь стекает на дно, правая штанина пропиталась багровым.

Это террористы. Я не имею права им помогать.

— Лана! Ланочка! — причитая, женщина сорвала с фигуры противогаз. Под ним — лицо девушки: рыжие волосы, острые скулы. Это ударило под дых: видеть её юное лицо, сморщенное гримасой боли. Свистящее дыхание сотрясает грудь.

Она умирает.

Как умирала из-за них Мила.

Снова крик — и сомнения ушли на второй план. Навыки первой помощи вписаны в мою память. Кусок медицинской трубки сгодился для жгута: кровь остановит, а это лучшее в этих условиях.

Из медного тумана выступили голые деревья. Катер замедлил ход, скользя по мутной глади мимо всплывших баррелей и досок. Из рыжеватой дымки выполз пляж с бурым песком. Пришвартовав катер, мы по очереди выбрались на берег. Впереди бежит женщина — та, что предлагала бинт, за ней — парень с раненой на руках.

Ботинки вязнут в песке. Повсюду куски железа и прочий мусор. Навстречу выскочила малышня: в противогазах и с чёрным загаром. Косые дома из гнилой древесины, в проплешинах дыр пялятся пустыми глазницами окон. Мы вбежали в последний. Сумрачно, взирают иконы, чадит лампадка. Миновав гостиную с драным диваном, женщина застыла у книжного шкафа. Зыркнув через плечо, она дёрнула один из корешков, и часть стены отъехала в сторону. За ней — широкие ступени из бетона. Шаги отзываются гулким эхом, наши тени вытянуты до неестественных пропорций.

Лестница вывела в подземелье — сотню лет назад, полагаю, тут был гараж. Вдоль стен толкаются компьютеры, моргают цветные огни. В центре — кресло, а в нём — старик. Без противогаза, в полосатой фланелевой рубахе — я принял бы его за повара или механика, но уж никак не за главаря террористов.

— Лана ранена! — женщина смела со стола предметы. Девушку положили: тихо хнычет, меж бровей складка, губы сжаты в полоску.

— Данные у нас! — женщина протянула старику водонепроницаемый пакет. — «Амфибии» будут в ярости! Вся новейшая история! Теперь пустить их в сеть и…

Окончания я не услышал: печень взорвалась болью, следом — пинок в колено. Моя рука инстинктивно парировала удар и отбросила нападавшего. Противогаз слетел. Под ним — выгоревшие вихры и злые глаза молодого парня. С криком он кинулся на меня. Я сработал на автомате: скрутив ему руку, приставил к шее пистолет.

— Верните данные или ему конец, — я скинул противогаз.

Боевики остолбенели — все, кроме старика: вытянутое лицо осталось бесстрастным.

— К вам как обращаться?

Я не ответил — он повторил вопрос.

Капитан Бийск.

— Отпустите моего внука, капитан Бийск.

— Для меня он террорист, — я сильнее ткнул пистолетом, и он захрипел. — Вы все террористы.

— Мы не террористы, тупой ты!.. — ринулась женщина.

— Майя! — одёрнул старик. — Капитан, скажите, какой сейчас год?

— Две тысячи сто сорок девятый.

Парень загоготал, и мне под ребро попал локоть.

— Нет, — мягко ответил старик. — Сейчас две тысячи сорок девятый год.

Моя очередь смеяться.

— Ошибаетесь!

— В таком случае, — старик остался невозмутимым, — не просветите нас о событиях этого века?

— Глобальное потепление, — отрапортовал я. — Ледники растаяли, и вода поглотила континенты.

— Была война, тупой ты осёл! — гаркнул парень.

— Как вы думаете, откуда столько брошенных нефтедобывающих платформ, капитан? — вкрадчивые интонации действуют на нервы! — Оглянитесь: нефти нет! Шесть лет как грянула война за альтернативную энергию. Ядерная война! Мир уничтожен.

— Нет! — я ткнул пистолетом. — Не было никакой войны! Было потепление…

— Но тебе же снятся кошмары! — просипел парень.

Я замотал головой, борясь с образами, из-за которых вскакиваю ночами взмокший от страха.

Металл. Покорёженные потроха самолётов. И вонь чужой крови.

— Они обещали, что вы забудете ужасы войны, — хриплый голос ворвался в кавалькаду картин, — но забрали ваше прошлое. И теперь вы часть нового общества. Нового мира.

— Врёте! — я сполз на землю.

— Ты же видел Ирий! Видел купол над городом! — звонкий голос женщины разнёсся по залу. — Они проецируют иллюзию! А ты борешься за них! Ты преступник!

— А вы? — я вскинул голову. — Зачем врываетесь в город? Зачем убиваете?

— Мы никого не убивали!

— Мою невесту, Милу! Год назад, в нападении на банк! Вы убили!..

— Расскажите о ней, капитан, — старик склонил голову. — Цвет глаз? Любимый фильм? Причёска?

Я открыл рот… и осёкся. Какие у неё были глаза? Голубые, как у меня? Карие?

— Ничего вы о ней не знаете, не так ли? — старик усмехнулся. — Видите ли, Милы не существовало. Её вписали в вашу память, чтобы мотивировать найти нас любой ценой. Ведь нет ничего сильнее жажды мести.

Я схватил ртом воздух.

Мила!

Образ пошёл рябью и растворился.

Ложь. Мила была ложью.

— А теперь, капитан, скажите: вы готовы стать одним из нас?

Я вскинул голову. По позвонкам скользнул холод.

— Да, — слово повисло в воздухе. — Думаю, я готов.

Автор рисунка: Светлана Стихаł

Кирилл Сорокин

Как хорошо, что жив еще мой дом

Как хорошо, что почерневший дом
Ещё хранит тепло босого детства,
Хоть и неловко запросто раздеться,
Из бани в реку шмыгнув нагишом.
Как хорошо, что за моим окном
Всё тот же холмик с ивою поникшей,
А утром — пар над берегом остывшим,
А ночью — тени на воде углём;
Что под навесом, сразу за углом,
Всё те же сохнут зверобой и пижма,
И в старой бочке небо неподвижно,
Как хорошо, что жив ещё мой дом!
Что за сырым калиновым кустом
Всё та же прячется скрипучая калитка,
И синий лес в дрожащем зное зыбком,
Всё тем же заперт стареньким крючком.

Как здорово у печки слушать гром!
И в зеркале окна встречать улыбку.
Есть место, где прощаются ошибки —
На круче почерневший старый дом.

Как любим мы беседы ни о чем

Как любим мы беседы ни о чём,
Словоплетение без выраженной цели,
За истину стоим к плечу плечом,
Когда б могли, не спали б и не ели!

Но истина, увы, всегда в пути,
Её состав летит без остановок,
И карт с её маршрутом не найти,
Хоть и не прячется, честна, и без уловок.

Осталось что? — придумывать самим
Для суесловия удобные примеры
И, кресла сдвинув, окружив камин,
Пускаться в спор, теряя чувство меры.

А истина, по-прежнему, в пути,
Нам до неё не ближе и не дальше.
Весь наш удел: пусть правды не найти,
Но избежать, по крайней мере, фальши.

Девушка с букетом хризантем

Девушка с букетом хризантем.
Островок трамвайной остановки.
Добавляя городу проблем,
Дождь резвится с радостной сноровкой.

По неровной кладке серых стен
Струйками стекает к тротуарам,
Обсуждая сотни вечных тем,
Шелестит весны хмельным угаром.

Вымыты столбы и провода,
Окна вымыты, подмочены обновки,
В новых туфлях мутная вода
Ждёт трамвай на мокрой остановке.

А трамвай, похоже, утонул,
Стал своей мечтой — подводной лодкой.
С набережной весело нырнул,
Сбросив рельс унылые колодки.

Дождь идёт весенним тёплым днём,
Отмывает небо после стужи.
Тучи, окружившие кольцом,
Проливают воду прямо в лужи.

И стоит на голой остановке,
Не заметив городских проблем,
Улыбаясь мило и неловко,
Девушка с букетом хризантем.

Карта БУК`а

Многие из вас, дорогие читатели, уже знают о старте нового медиа-проекта нашей газеты. Еще в период работы над нашим сборником обратили внимание на то, что с нами работают авторы из самых разных городов, и даже стран. География получается и правда очень обширной. Это и натолкнуло нас на идею создания карты БУК`а.

Но просто карта — это ведь скучно. Гораздо интереснее создать интерактивную карту, где каждая точка—это не просто точка. Это город. Город, который можно увидеть, и с которым можно познакомиться. А кто лучше сможет представить свой город, ка ни его житель, да еще и с творческой жилкой?

Дорогие наши авторы, мы просим вас начитать на видео одно из своих произведений. Не обязательно из тех, что публиковались в БУКе, любое, лишь бы оно было цензурным и не противоречило законом РФ. Главное, чтобы в кадре были вы сами, а также ваш город: ваше любимое место, или какая-то достопримечательность, да даже ваш двор, не важно. ВАШ город, каким вы его видите.

Сейчас — разгар лета. Самое время делать красивые и интересные ролики. А в сентябре мы соберем все видеозаписи и смонтируем одни большой фильм на их основе. Скорее всего, и после этого проект продолжит свою работу, ведь наша география постоянно расширяется, а на карте появляются все новые города и страны.

Мы всем вам очень рады. Давайте знакомиться?!

Дарья Иванова

***

По тебе тоскует моё окно,
Покрываясь испариной и слезясь.
Отыщи в своём сердце двойное дно,
Чтобы спрятать там нашу двойную связь,
Ковалентно-вокзальную. Змеи рельс
Вьют клубки перед замшевым сапожком.
Увези меня ночью в Страну Чудес,
Где нам каждый проулок давно знаком,
Где подушки — кирпичики крепостей,
И глинтвейн по стаканам, и снег пушист,
Где все карты и лошади без мастей,
И твой взгляд безмятежен, и лист твой чист —
Начинай, что захочешь. Звезду в руке
Согревай шалой рифмой, пока горит.
Выжигай поцелуй на моей щеке
И вплетай свеженайденный сердолик
В мои волосы с лентой атласных снов,
Ковалентностью равности нас с тобой,
Закружи мою голову в вальс стихов,
Чтобы мысли и действия вразнобой,
И хотелось тебя целовать в глаза,
А целованы руки за волшебство…
Отыщи в своём сердце причины «за»
Нас с тобою, случившихся в Рождество,
И останься со мною в Стране Чудес,
Зарифмованной так, что поди — найди
Наш заснеженный замок и спящий лес…

…О тебе по окну моему дожди.

Девочка-Воин

Девочка-воин плачет у барной стойки,
Рыжую чёлку заправив под капюшон.
«Сколько ещё убить мне драконов, сколько,
Чтобы ты бросил всё и за мной пришёл?»

Потом тяжело вздыхает и пьёт мартини,
Белым платком протирая кривой кинжал.
В области сердца выжжено его имя.
Девочке холодно и ничего не жаль.

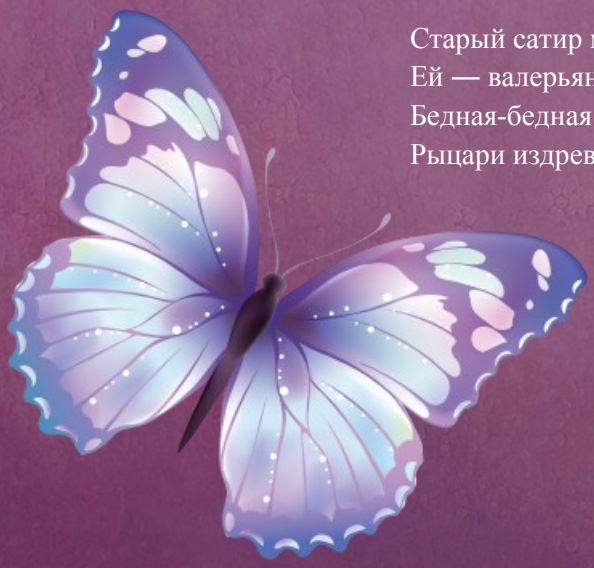
Грузные гномы традиционно с пивом
Чинно гудят за столиком у окна.
Сальные гномьи шутки летят ей в спину.
Девочка-воин молча стоит одна

У повидавшей всякое барной стойки.
Он обещал, что придёт на исходе …бря.
«Сколько ещё убить мне драконов, сколько,
Чтобы ты понял — со мной так шутить нельзя?!»

Пьяные стражники шумно бранят барона:
«…выжил…совсем не платит…дурак и жмот…»
Время к утру, бар уже покидают гномы,
…брь на исходе. Она неусыпно ждёт

Пятые сутки, глаза проглядев. Не ново.
Плачет, зажав в белых рученьках по ножу.
«Сколько, ну сколько ещё мне убить драконов,
Чтобы ты понял, что я тебе подхожу?!»

Старый сатир молока наливает кошке,
Ей — валерьянки: «Пей, девочка, снимет стресс.
Бедная-бедная… Как не поймёшь ты, крошка?
Рыцари издревле ищут себе принцесс…»



Предновогодье

У меня к тебе — предновогодье. Запах мандаринов и конфет.
Я тебя, укутав по погоде, отпускаю в налетевший снег,
Чтоб кружил тебя, белил ресницы, от дыханья таял, не упав.
Мне поётся, пишется, не спится. Безнадёжно путая слова,

Собирать стихи, как зимний пазл с пражским замком, спрятанным в сугробы.
У меня к тебе — сердечный спазм, сладковатый от любви до гроба.
У меня к тебе — остатки ночи звёздной пряжей на веретене.
Всё, что ты когда-нибудь захочешь, ты сумеешь отыскать во мне.

Ты ко мне захочешь ледяными прикоснуться пальцами. И я
(Лишь успеть собрать бы твоё имя из осколков в зале декабря),
Выльюсь на ладони половодьем, от земных отхлынув берегов.
У меня к тебе — предновогодье, запах мандаринов и стихов.

Павел Селуков

Садако

Восстал с небес стеной расплавленный металл.
Никто из нас ни думал и ни гадал,
что смерть придет в обличие безумного огня,
что смерть слизнет с земли тебя, меня!

И встала на дыбы и встала сгоряча
истерзанная атомом горящая земля!
И где-то вдалеке оплавилась свеча,
так море убивает душу корабля!

Я видел этот гриб, гриб растущий из...
Я помню как меня скрутила пелена.
И постоянно вниз, и бесконечно вниз!
Сама вселенная была раскалена.

А после поплывут, в тоскливой немоте,
бумажные журавлики домой.
И лежа под землей, и лежа в темноте,
я наконец-то обрету покой...

***

Да, это еще не Путь, но уже стезя.
Босиком по стеклу, а иначе никак нельзя.
Рви душу на лоскуты и собственной кровью — писать!
Если ты не готов умереть, то кого ты собрался спасать?
Капля живет, чтоб с высоты о мост.
В конечном счете, нас всех соберет погост.
Так какого же черта! Давай из последних жил.
Неважно под дулом ствола или взглядами старожил,
неважно — боязно, больно или же просто лень.
Становись собой! Поднимай с земли свою тень.
Пусть клокочет вулкан и закипает слеза.
Как говорил Булгаков — все довершит гроза.
Только вперед! Позади все давно мертво.
И чтобы искрились глаза, выпей бокал мерло.
Лучше пуля Дантеса, чем взгляд старухи-жены.
Посмотри на античные статуи, на то, как они свежы,
как идеальны формы, как благороден взор!
Не позволяй годам выводить на тебе узор!
И не старей душой. Буйствуй! Твори! Страдай!
В этом образе жизни наш потерянный рай.
Иное скучно. Иное — мещанский бог.
Считай и не жил. Точнее, родившись — сдох.
Так рви удила, ведомый своей звездой.
И Бог разберется, кто грешен, а кто святой!

Благодарности

Редакция газеты «Беседы у камина» выражает благодарность всем, кто принимал участие в создание этого номера: Нине Гавриковой, Наталии Коденцовой, Марии Орфанудаки, Дарье Кошевой и Юлии Ложконой.

Конакты

Наш электронный адрес — gazeta_buk@mail.ru

Адрес нашего сайта — http://buk-journal.ru

Адрес нашей группы на сайте Вконтакте — http://vk.com/buk_journal

Адрес нашей страницы на сайте stihi.ru — http://stihi.ru/avtor/gazetabuk

Адрес нашей страницы на сайте proza.ru — http://proza.ru/avtor/gazetabuk

Адрес нашего блога — http://blogs.mail.ru/mail/gazeta_buk/